

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

МОРПЕХ

ЛЕДЯНОЙ ДЕСАНТ

Морпех

Олег Таругин

Морпех. Ледяной десант

«Махров»

2021

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Таругин О. В.

Морпех. Ледяной десант / О. В. Таругин — «Махров»,
2021 — (Морпех)

Во время летних маневров 2020 года под Новороссийском бронетранспортер командира взвода морской пехоты ЧФ старшего лейтенанта Степана Алексева внезапно глохнет и начинает погружаться. Спасая бойцов и последним покидая машину, Степан едва не тонет. Из последних сил вынырнув на поверхность, морпех неожиданно оказывается в ледяной воде среди бойцов советского морского десанта, высаженного под Южной Озерейкой 4 февраля 1943 года. Сумеет ли старлей Алексеев вывести уцелевших морских пехотинцев из окружения, соединиться с десантниками майора Цезаря Куникова и изменить ход всей Новороссийской операции? Ведь там, в родном времени, он сам был свидетелем, как военные археологи нашли среди останков одного из павших на плацдарме советских бойцов... его собственный перочинный нож...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Таругин О. В., 2021
© Махров, 2021

Содержание

От автора	7
Пролог	8
Глава 1	12
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Олег Таругин

Морпех. Ледяной десант

© Таругин О., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Олег Таругин

МОРПЕХ

Ледяной десант

От автора

Документально подтвержденных описаний боевых действий высадившихся в районе Южной Озерейки (Озеревки) морских пехотинцев крайне мало. Поэтому многие подробности событий начала февраля 1943 года реконструированы автором на основе достаточно скудных исторических материалов или полностью выдуманы.

Также хотелось бы заметить, что автор в курсе выхода в 2019 году книги местного краеведа Романа Талдыкина «Южно-Озерейская десантная операция», однако по ряду объективных причин, увы, не имел возможности ознакомиться с ней во время написания этого романа. Имена некоторых командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа всем постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru).

Спасибо большое, друзья!

Пролог

*Новороссийск, район пос. Мысхако,
наши дни, за месяц до описываемых событий*

Иссушенная летним зноем земля неохотно отдавала останки тех, кто семьдесят с лишним лет назад обильно полил ее собственной кровью. Металлодетекторы заходились заполошным разноголосым воем на каждом сантиметре, лопаты ежеминутно звякали, наткнувшись на очередной осколок снаряда или хвостовик немецкой мины – почва в районе бывшей Станички была буквально наспигована ржавым железом. Казалось, где ни копни, куда ни погрузи поисковый щуп, обязательно наткнешься на страшное свидетельство тех двухсот двадцати пяти героических дней. Встречались, хоть и не столь часто, и неразорвавшиеся боеприпасы, однако опытные следопыты прекрасно осознавали риск и знали, как себя вести в той или иной ситуации. Да и профилактические занятия, проводимые знакомыми саперами под видом выезда «на шашлыки», никто из них не прогуливал, отлично понимая, что от этого может зависеть их жизнь.

Тем не менее новороссийским поисковикам удалось поднять за неполную неделю вахты почти два десятка бойцов. К сожалению, ЛОЗов¹ пока обнаружили только пять штук, прочитать из которых удалось лишь два. Остальные оказались или изначально не заполненными, или утратили герметичность, в результате чего вкладыш давным-давно сгнил. Собственно, уже само их наличие было большой удачей: к сорок третьему году медальоны-«смертники» официально упразднили. Некоторые бойцы изготавливали их самостоятельно, из винтовочных или пистолетных патронов, закрывая самодельный опознавательный знак перевернутой вершинкой вниз пулей, деревянным чопиком или насаживая друг на друга две гильзы от ТТ.

Впрочем, отсутствие или повреждение медальона еще не означало, что бойцы останутся неопознанными: оставалась надежда на номера наград и «подписные» личные вещи, при помощи которых порой тоже удавалось идентифицировать погибшего, вычеркнув его из скорбных списков пропавших без вести...

Сегодняшний день – предпоследний перед окончанием раскопок – начался достаточно многообещающе. Сначала зацепили верхового бойца, затем, когда стали расчищать анатомию «под кисть», поняли, что он не единственный. За семь минувших десятилетий кости причудливо переплелись между собой, однако к обеду стало окончательно ясно, что в бывшем пулеметном окопе находятся двое красноармейцев – пулеметчик и его второй номер. Судя по всему, парней никто специально не хоронил, просто завалило близким разрывом крупнокалиберного снаряда или авиабомбы – о том, сколько сотен тонн смертоносного металла и взрывчатки сбросили фашисты за семь с половиной месяцев на крохотный, площадью меньше тридцати километров, плацдарм, никому из военных археологов рассказывать было не нужно.

Оба бойца оказались при личном оружии и в полном обвесе – не считая, понятно, самого пулемета, искореженного осколками максима с сорванным ударной волной щитком. Плюс патронные коробки со сгнившими брезентовыми лентами, набитыми нерастраченными боеприпасами, и сотни, если не тысячи стреляных гильз на самом дне окопа. И, самое главное, среди желто-черных, источенных временем костей нашелся и долгожданный бакелитовый футлярчик, с виду не слишком пострадавший. Значит, оставалась надежда, что удастся вернуть еще одному павшему герою имя, а его останки – родственникам, буде те еще живы, конечно. Судя по наличию «смертника», боец успел повоевать, возможно, даже с самого начала войны.

¹ ЛОЗ – личный опознавательный знак, в просторечьи – «смертный медальон». Закручивающийся бакелитовый футлярчик с бумажным вкладышем-анкетой внутри. Отменен приказом НКО в ноябре 1942 года.

Но было и еще кое-что. Кое-что абсолютно непонятное, найденное уже под самый конец поискового дня. В брючном кармане второго красноармейца (точнее, в том месте, где он некогда находился) обнаружился перочинный ножик. Весьма желанная находка, поскольку владелец, как правило, старался выцарапать на накладках рукоятки свои инициалы: складной нож, да еще и с несколькими лезвиями – штука по военному времени достаточно ценная. ЛОЗа при нем не имелось – видимо, был совсем молодой.

Впрочем, проблема оказалась в ином: наспех отерев нож о брючину выдавшего виды камуфляжа, Серега Ерасов несколько секунд вглядывался, поворачивая находку под разными углами, зачем задумчиво хмыкнул и протянул артефакт товарищу, Лешке Семенову:

– Леша, глянь, чо еще за хрень? Это у меня глюки или тут реально какая-то фигня происходит?

Второй поисковик устало отложил кисть, поворачиваясь к товарищу:

– Чего там у тебя?

Повертев в заскорузлых за дни раскопок пальцах залепленный глиной предмет, равнодушно пожал плечами:

– И что с ним не так? Ну ножик, ну перочинный. По ходу, трофейный, как бы не натуральная Швейцария, подобные там еще с позапрошлого века выпускались. Убитый, правда, в хлам, хотя можно попробовать отмочить, но без гарантии. Ну и?

– Значок ни разу не «викторинокс», просто похож, – подсказал Ерасов. – Хотя не в том суть. Надпись глянь. Вон там, ага.

– Мэйд ин... – Семенов очумело взглянул на друга. – Что за байда?! Какой еще нафиг Китай в сорок третьем, да еще и по-английски? Серый, признавайся, ты где это взял? Или прикалываешься? Так я сейчас сильно не в духе, могу и фискарем огреть!

– Здесь я взял, здесь. Вон там, собственно, видишь, отпечаток в грунте остался? Мы ж с тобой вместе позицию с нуля вскрывали, сам видел, немародеренная она была. И перемещенка обычная, и все нижние слои в полном соответствии аж до самого материка. Никто бойцов с того времени не трогал однозначно. Я десять лет в поиске, насмотрелся уже. Ну чего думаешь?

– Ничего не думаю, – засопел Алексей. – Егорычу нужно показать, вот чего. И накатить по сто фронтовых, по ходу. Поскольку иначе мы с тобой, Серый, реально во всяких попаданцев поверим!

– Это как в том фильме, что ли? – оживился товарищ. – И в книжках всяких?

– Типа того, – буркнул поисковик, не собираясь развивать тему. – Короче, зачищай пока бойца дальше, да повнимательнее, вдруг еще чего непонятного найдешь. А коль и на самом деле найдешь, так не трогай, пусть лежит, где лежало. Сейчас вернусь.

Запихнув находку в карман, Алексей выбрался из раскопа. Ерасов хихикнул в спину:

– Лех, а не боишься, часом? Вдруг тебя эта штуковина в прошлое закинет? Вот споткнешься сейчас, башкой ударишься – бац! – и очнешься уже в сорок третьем на Малой Земле. Поглядят наши на твой комок бундесовский, на ботинки непонятные, да сразу к стенке и прислонят, как фрицевского шпиона.

– Пошел в задницу! – заржал Семенов, оценив шутку. – Колай давай, копарь с десятилетним стажем! Я скоренько...

Алексей вернулся не один. Вместе с ним и легендарным командиром отряда Виктором Егоровичем (легендарным, поскольку тот не только стоял у истоков местного поискового движения, но и воевал в Афгане, привезя оттуда два ордена и оставив взамен три пальца левой руки, оторванные сработавшей при обезвреживании душманской миной-ловушкой) пришел незнакомый старлей со знаками различия морской пехоты ЧФ.

Егорыч остановился на краю раскопа и обратился к Ерасову:

– Знакомься, боец, с товарищем старшим лейтенантом! Сын моего фронтового дружка, Степка Алексеев. Сто раз пытался его к нам заманить – ни в какую. Не интересуются, понима-

ешь ли, нынешняя морская пехота своим героическим прошлым! А тут вдруг сам позвонил и в гости заехал. Неожиданно, что особо приятно! Учения у них где-то в этих краях, вишь ли, намечаются! Только сели с товарищем лейтенантом чайку-кофейку попить – Лешка прибегает, чудеса какие-то рассказывает.

При этих словах стоящий рядом Семенов, не сдержавшись, фыркнул, отреагировав на этот самый «чайк-кофеек». Оно и понятно: где ж это видано, чтобы Егорыч встречал гостей безалкогольными напитками?

– Так чего случилось-то? Показывай, где ты этот ножик-то накопал? – Виктор Егорович спустился вниз, профессионально-внимательно осмотрел место находки, крикнул:

– Больше ничего странного в личном не нашел?

– Абсолютно, – пожал плечами Сергей. – Стандартный набор, мыльно-рыльные, зеркальце расколотое, карандашик гнилой и портмоне с монетками. Все. Ну плюс ЛОЗ у его товарища, только не факт, что читаемый, крышка на пол-оборота скручена, наверняка влага проникла. Вечером раскроем, поглядим.

– Понятно, – помрачнел Егорыч, задумчиво вертя в руке поддельный «викторинокс». – Добро, заканчивайте тут, я пока по другим пацанам пробегусь. Покажу, так сказать, нашему гостю, чем мы тут вообще занимаемся. А насчет ножичка особо не парься, всякое случается, уж поверь моему опыту. Хотя надпись, конечно, странная, с этим я всецело согласен.

– Разрешите посмотреть? – неожиданно подал голос старший лейтенант, помогая командиру отряда выбраться из раскопа.

Изучив находку, морпех хмыкнул:

– В принципе, я в ваших делах ничего не понимаю, но штукавина знакомая. На любом рынке продается, от силы рублей двести стоит. И уж точно на Швейцарию не тянет, обычный китайский ширпотреб. Сталь никакая, мягкая слишком. И ржавеет, зараза.

– В каком смысле? – мгновенно напрягся Егорыч. – Ты что, видал подобные?

Алексеев широко улыбнулся, копаясь в набедренном кармане камуфляжа:

– Да вот, собственно, так-то оно нагляднее будет...

И выложил на ладонь еще один в точности такой же.

Обступившие старшего лейтенанта поисковики пораженно глядели на два практически идентичных предмета. Или не практически, а абсолютно идентичных. С той лишь, понятно, разницей, что один был старше второго более чем на семь десятков лет...

– Вот так ни... чего себе, – пробормотал Сергей, осторожно, словно неразорвавшуюся гранату, беря в руки оба ножа. Повертел, внимательно осматривая, зачем-то раскрыл и убрал обратно в корпус лезвие, протянул Семенову. – Реально один в один! Даже царапина на левой накладке похожая. Что за фигня-то такая происходит, а? Товарищ старший лейтенант, а вы где свой ножик взяли?

– Ну не украл же, – усмехнулся морпех. – На рынке купил, на лотке. Сто раз выбросить собирался, а все таскаю с собой зачем-то. Подарить?

– Нет! – Ерасов резко отшатнулся, в первый момент даже не осознав, чем именно вызвана столь неожиданная реакция. – Не нужно, сами ведь сказали, что сталь никакая. Да и вообще, у меня свой имеется, нормальный...

Хмыкнув, старший лейтенант пожал плечами:

– На нет и суда нет.

– А знаете что, ребятки, – задумчиво протянул Виктор Егорович. – Я ни в мистику, ни в попаданцев этих ваших не верю и верить не собираюсь, так что заканчивайте-ка работу, раскладывайте бойцов на баннера и все такое прочее, не мне вас учить. А мы с товарищем лейтенантом пока по другим позициям пройдемся. Степа, ты ступай вперед, сейчас догоню.

Дождавшись, пока морской пехотинец отойдет метров на пять, Егорыч негромко сообщил:

– И вот еще чего скажу: вы глупости-то из головы выбросьте! Думаете, не догадываюсь, что вам сейчас в башку пришло? Начитались, понимаешь, книжек всяких! Степка, если у кого подобная мысль появилась, там, – он кивнул в сторону раскопа, – никак оказаться не может! Хотя бы потому, что он на целую голову выше и в плечах куда шире. Понятно? И на этом все, об остальном вечером поговорим. Все, работаем, до темноты еще куча времени...

Глава 1

Маневры

Район Южной Озереевки, борт БДК «Новочеркасск», наши дни

Из-за внезапно поднявшегося волнения высадку отложили почти на два часа. Все это время БДК отнюдь не отстаивался на дальнем рейде, а активно маневрировал, имитируя уклонение от вражеского огня с берега, что не добавляло находящимся на борту морским пехотинцам особого оптимизма. Когда волны опали до трехбальной отметки, десантный корабль, аккуратно подрабатывая дизелями, развернулся носом к берегу и дал малый вперед, выходя в район десантирования.

Комвзвода старший лейтенант Степан Алексеев, получив от мрачного ротного последние наставления, в сухом остатке, то бишь за исключением второго командного, выразившиеся в строжайшем приказе «задраться нахрен и снаружи не отвешивать, поскольку море неспокойное, а синоптики с их прогнозами – чудаки на букву “м”», забрался внутрь родного бронетранспортера и, не скрываясь, улыбнулся. Ну наконец-то! Поскольку валяло корабль, несмотря на четыре тысячи тонн водоизмещения, весьма прилично. Вроде и шторм не шибко серьезный, но все одно неприятно – за возможность подходить вплотную к берегу, высаживая десант в буквальном смысле на пляж, приходилось платить небольшой, меньше четырех метров, осадкой. И, как следствие этого – неслабой качкой, что килевой, что бортовой, к которой морпехи были не слишком привычными. Поэтому двухчасовое сидение в стометровой стальной коробке реально достало всех. Морской пехоте, несмотря на легендарное название, нужен простор, нужна суша – в первую очередь она все ж таки именно пехота, береговые части, оказывающиеся на борту лишь на время переброски к будущему ТВД. А пехота, как ни крути, на волнах не воюет, поскольку сыро и автомат утопнуть может, а он – суть казенное имущество. Окапываться опять же сложно – и окоп слишком быстро оплывает, и бруствер, зараза такая, уставную форму не держит, поскольку жидкий...

Под гулками сводами танкового трюма ожили динамики громкой связи, оповещавшие о выходе в заданный район и готовности к высадке на плаву, и корабль застопорил ход. Одновременно приказ продублировали по внутренней связи уже исключительно для экипажей. Механики-водители БТР-80 завозились на своих местах, запуская двигатели. Алексеев мельком поразился, что его бэтэр пойдет первым: еще несколько минут, и трюм, несмотря на раскрытые командой погрузочные палубные люки, плотно затянет выхлопными газами, от которых не защитит даже фильтровентиляционная установка. Вернее, защитит, создав внутри избыточное давление, но исключительно до того момента, пока не придет срок производить забор забортного воздуха. Так что крайним в очереди на высадку, которым не посчастливилось оказаться в районе кормового лацпорта, останется надеяться исключительно на «резиновое изделие номер один», суть – столь нелюбимые армейской братией вне зависимости от рода войск противогазы. Будем надеяться, командование это тоже понимает и с выгрузкой тянуть не станет...

Командование, разумеется, понимало и тянуть не стало: громко лязгнув, раздались в стороны носовые ворота десантного устройства; пошла вниз выкрашенная рыже-коричневой краской ребристая аппарель. Переменчивый черноморский ветер зашвырнул в расширяющуюся с каждым мгновением щель щедрую пригоршню соленых брызг, разметал на время сизые соляные выхлопы. Аппарель врезалась в волну, плеснувшую внутрь и покрывшую настил кружевами грязной пены, уступила место следующей, не менее активной.

Дождавшись полного раскрытия створа, командирский бронетранспортер тронулся с места и, наклонив косо срезанный нос, покатился вперед. Волна, несмотря на поднятый в верхнее положение отражательный щиток, накрыла корпус по самый башенный погон, перехлест-

нула через башню с задраным на максимальный угол КПВТ. Многотонная машина тяжело погрузилась в покрытую пенными бурунами пучину, подпрыгнула поплавром, неохотно выпривилась и, врубив водометный движитель, двинулась к недалекому берегу, до которого оставалось всего каких-то метров триста. Следом скатился в море второй БТР, забирая чуть в сторону, затем третий – начавшаяся высадка чем-то подобна лавине, остановить которую уже практически невозможно... если, конечно, не произойдет чего-то вовсе уж неожиданного и идущего вразрез с планами командования. Но пока ничего подобного не происходило, хоть ветер, судя по срываемым с гребней волн пенным барашкам, внезапно и усилился, заодно в очередной раз изменив направление. Над головами торопливо затукали пятидесятисемимиллиметровые спарки корабельных автоматов АК-725 – операторы обрабатывали зачистку зоны высадки и артиллерийскую поддержку десанта, азартно пуля холостыми в белый свет как в копеечку. Более серьезное вооружение, пара двадцатиствольных «Градов-М», по понятным причинам молчало: высаживаться предстояло не на полигон, а на самое обычное побережье.

Слева сдавленно матерился мехвод, и Степан его очень даже хорошо понимал: «восьмидесятка», при всех ее неоспоримых достоинствах, – все-таки не моторная лодка, а трехбалльное море – не равнинная река где-нибудь в средней полосе родной страны. Плавуемость так себе, управляемость – примерно на том же уровне. Главное – не встать бортом к волне, если захлестнет, несмотря на воздухозаборные трубы, двигатель – пиши пропало.

– Сань, спокойно, – поддержал товарища старший лейтенант. – Главное, направление и скорость держи, не дай нас развернуть и смотри не заглохни.

– Нормально все, – сквозь зубы ответил сержант Никифоров, механик-водитель. – Не учи ученого, командир. Лучше сверху глянь, как остальные идут.

– Добро. – Нарушая приказ ротного насчет «задраться и не отсвечивать», Алексеев по пояс высунулся в командирский люк, поверх башни глядя назад. Пока вроде нормально: все боевые машины десантно-штурмовой роты благополучно покинули трюм, выстроившись следом за командирским бронетранспортером. Еще буквально несколько минут – и доберутся до берега. Оттеснят «потрепанного артогнем» условного противника, займут плацдарм и организуют оборону, дожидаясь подхода основных сил. В случае особо упорного сопротивления – вызовут, согласно сценарию маневров, воздушную поддержку. В принципе, ничего особенно сложного – за исключением разве что того факта, что и сам старлей, и его бойцы впервые высаживаются с моря. Форсирование водных преград, в том числе на плаву, обрабатывали многократно, а вот с борта корабля их пока еще не десантировали. Но ведь все в жизни когда-то приходится делать в первый раз, не правда ли?

Забираясь обратно в бронетранспортер, Степан зацепился взглядом за принайтованный к башне спасательный круг. Усмехнулся, припоминая недавнюю историю, связанную с этим самым спассредством. Смешно вышло, хоть и вполне в духе родной армии: с пару месяцев назад во время технических работ внезапно выяснилось, что штатного круга в наличии не имеется от слова «совсем». Поскольку, мягко говоря, его где-то, гхм, пролюбили тем самым легендарным военно-морским способом, в равной мере применимым как к собственно флоту, так и сухопутным частям.

Выслушав короткую, но весьма эмоциональную отповедь командира, мехвод клятвенно пообещал решить проблему. И буквально на следующий день притащил старый пробковый круг с напрочь облупившейся от времени краской и без страховочного леера, найденный, судя по объяснениям, на списанном рыболовецком сейнере, в полузатопленном состоянии доживающем последние дни на окраине местного порта. Так ли это на самом деле, Алексеев выяснять на всякий случай не стал, намекнув, что инвентарь необходимо срочно привести в уставной вид и закрепить на положенном месте. Причем закрепить так, чтобы намертво. Во избежание повторения, угу. Никифоров не подвел, и назавтра свежевыкрашенное в веселенький оранжевый цвет и воняющее не успевшей окончательно просохнуть краской спассредство оказалось

надежно прикручено вязальной проволокой к скобам башни. Надежно – в смысле, что никакая волна не сорвет, не говоря уж о прочих первогодках с шаловливыми ручонками. Нарушение, понятно, но...

Куда любопытнее было другое: во время покраски Санька обнаружил в пробке явно не предусмотренное конструкцией отверстие, откуда при помощи автоматного шомпола без особого труда была извлечена пуля. Обычная пуля, прошедшая канал ствола, что подтверждалось оставшимися на потемневшей от времени рубашке нарезами. Вот только принадлежность найденного артефакта ни механику-водителю, ни старлею определить не удалось: на «калашовскую» семь-шестьдесят-два не похожа, на пулеметную, несмотря на схожий калибр, тоже. Видимо, то самое эхо войны, поскольку места тут героические, наши почти год с фрицами не на жизнь, а на смерть сражались. Вот только интересно, чья она? Наша, от какого-нибудь максима или ДП? Вряд ли, родной патрон 7,62x54 с тех времен не шибко-то и изменился. Значит, все-таки немецкая: поди отличи без штангенциркуля (которого под рукой, понятно, не имеется) советский калибр от фрицевского, там всей разницы-то три десятых миллиметра.

В конечном итоге пулю Степан, к вящей грусти подчиненного, собиравшегося изготовить из нее памятный талисман на грядущий дембель, прибрал. Так и таскал в кармане, пока не приехал на раскопки и не показал Виктору Егоровичу.

Опытный поисковик особого интереса к находке не проявил:

– Немецкая, понятно, семь девяносто два мэмэ, стандартный патрон. Или девяносто восьмой маузер, – увидев на лице морпеха непонимание, тут же пояснил, – это их основной карабин, 98-К называется, потом покажу, мои пацаны на гансовских позициях уже парочку подняли. Или пулемет, скорее всего, тридцать четвертый. Была бы гильза, сказал точно, там накол бойка разный, не спутаешь. Хотя возможны варианты, тут ведь и румыны оборону держали, а у них в основном чешское оружие было, под тот же боеприпас. Тебе это вообще сильно принципиально, Степ?

– Шутите? – улыбнулся старший лейтенант. – Нет, конечно, просто любопытно. Подчиненный мой нашел, когда спасательный круг реставрировал. – Алексеев вкратце пересказал эпопею с «пролюбленным» имуществом.

– Сейнер? Да, есть такой, знаю. Списан давно, даже странно, что до сих пор на металл не порезали, так и ржавеет потихоньку, бедолага. Участвовал в том самом десанте, между прочим! Да и потом не раз на плацдарм ходил, пополнение с боеприпасами доставлял, раненых на большую землю забирал. Ну ты понял, о чем я. Может, даже сам Брежнев на нем отметился! Хотя нет, это я приврал, тот кораблик на mine подорвался и потонул весной сорок третьего. Вроде бы «Рица» назывался, ежели память не подводит. Ладно, не о том речь. Потопали дальше?

– Пошли, Виктор Егорыч. Интересно тут у вас, серьезно говорю...

Высадиться без проблем все-таки не удалось. Когда до берега осталась буквально пара десятков метров, высокая прибрежная волна захлестнула воздухозабор, заливая двигатель. Никифоров не сплеховал, выровняв подставившую борт бронемашину, однако в следующий миг замкнуло аккумуляторы, остановились водооткачивающие насосы, и предпринимать что-либо стало поздно. Несколько секунд бронетранспортер еще двигался по инерции, затем передние колеса мягко ткнулись в круто поднимающееся дно, и «восьмидесятка» замерла, буквально на глазах проседая перетяжеленной кормой.

Старлей забористо выругался. Приехали! Точнее, приплыли! Ну и что теперь делать?! Да, собственно, понятно что: приказа высадиться на занятый условным противником берег никто не отменял. И то, что командирский бэтээр вдруг собрался ощутить себя подводной лодкой,

командование учениями не волнует, поскольку это косяк исключительно старшего лейтенанта Алексеева и его героического, блин, экипажа.

Степан обернулся в сторону десантного отделения. Морские пехотинцы, хоть и слышали тираду взводного на втором командном, пока еще ничего не поняли:

– Бойцы, покинуть машину! До берега добираемся вплавь, тут всего ничего осталось, да и дно метров через пять повышаться начнет. Главное, оружие не утопите, потом не отпишемся. Васильев, совсем сдурел, куда полез? Выходим через верхние люки. Вешняков, откроешь левый, первым пойдешь, Старостин – правый. Приказ понятен? Готовы?

Крышки десантных люков распахнулись, в лицо пахнуло соленым морским ветром. И следом людей окатило перехлестнувшей через крышу бронетранспортера холодной водой. Внутри боевого отделения хлынул самый настоящий водопад, мутно-пенистый, с клочьями бархатных водорослей, пахнувший йодом и отчего-то неотработанной соляжкой. Вот и искупались пацаны...

– Вперед!

Дождавшись, пока семеро морпехов и наводчик покинут машину, Степан пихнул в плечо механика-водителя:

– Санька, я все правильно понимаю? Не заведешься уже?

– Виноват, тарщ командир, никак не заведусь. Гидроудар, движок залило. Наглухо. Видать, защитный клапан заело.

– Так чего сидишь? – взъярился старлей. – Или тебя приказ не касается? Живо наружу, автомат только прихвати, покоритель водной стихии! К берегу, вплавь, выполнять. Я следом.

– Так точно. – Мехвод откинул крышку своего люка, выбираясь наружу. В проеме мелькнули ребристые подошвы берцев, лязгнул о закраину АК-74, снаружи гулко плеснуло.

Алексеев на несколько секунд замешкался, вытягивая из-за спинки сиденья полевую сумку. Все, можно уходить... блин, ну как же глупо-то получилось! Это ж еще постараться нужно, на мелководе бронетранспортер утопить! Практически у самого берега! О том, что будет дальше, даже думать не хочется. Бэтээр после учений, понятно, вытащат, никуда он не денется, не те тут глубины, но все равно обидно. Да уж, лихо он свою офицерскую карьеру начал, нечего сказать... с туза зашел, как говорится. Эх, да что уж теперь...

Старший лейтенант повернул стопор командирского люка. Накрывшая корпус бронемашины волна щедро окатила голову и плечи, камуфляжная куртка мгновенно намочила и потяжелела. Стянув ненужный более шлемофон, Степан рывком высунулся наружу и ухватился за ствол пулемета, выдергивая из люка ноги. Еще одна волна мягко толкнула в бок и ушла, оставив на губах горько-соленый привкус. Хорошо хоть, плыть совсем недалеко, буквально несколько метров, а там уж можно будет и ножками по дну топтать. Тренировать-то их, понятно, тренировали, но все ж таки заплыв в полном обвесе и с оружием – то еще удовольствие.

Очередная увенчанная пенистой шапкой волна ударила в борт, и бронетранспортер неожиданно сдвинулся с места, быстро погружаясь кормой. От неожиданности Степан едва не упал, рефлекторно привалившись к башне. В голове мелькнула мысль, что Никифоров, похоже, оставил коробку передач на нейтралке, и сейчас потерявшая плавучесть многотонная машина под собственным весом и весом набранной воды просто катилась вниз, словно с горки.

«Ну, салага, ты у меня теперь до самого дембеля из нарядов не выйдешь», – беззлобно ругнулся старлей, прикидывая, как лучше сползти в воду с тонущего бэтэера. Не бомбочкой же, словно в детстве, сигать, честное слово?

«Восьмидесятка» тонула все быстрее, вода с шумом лилась в десантные люки, захлестывала башенный погон, так что и дальше терять времени определенно не стоило. Алексеев оттолкнулся от брони, намереваясь съехать в волнующееся море, однако что-то резко дернуло его за рукав куртки, обжигая плечо короткой болью. Твою мать, за проволоку зацепился! За ту

самую проволоку, которой мехвод, согласно командирскому же приказу, прикрутил к башне спасательный круг!

Потеряв равновесие, старший лейтенант рванулся, но камуфляжная ткань, зараза эдакая, выдержала. Смешно, старая форма, в которой он щеголял в курсантской учебке, скорее всего, уже бы благополучно порвалась, а вот «пиксель» нового образца... хотя, нет, уже ни разу не смешно. Поскольку бронетранспортер внезапно вильнул кормой, сбиваясь с относительно прямолинейного движения, и подставил борт новой волне. Степана окатило с головой, попыталось перевернуть, выворачивая руку. Автомат он поймал за ремень в последний момент, успев подумать, что большего бреда, чем утопить штатное оружие, для командира взвода и придумать сложно. Буквально только что об этом же предупреждал подчиненных – и на тебе. А вот полевую сумку он все-таки упустил. Еще рывок – едва плечо не вывихнул – с тем же, увы, результатом. Хорошую форму нынче для родной армии шьют, блин! Да какого хрена, в конце-то концов?!

Извернувшись всем телом, чтобы голова оставалась над поверхностью, Алексеев торопливо расстегнул застежки тактического жилета, сбрасывая намокшую «сбрую»; шумно отфыркиваясь, занялся курткой. Набитая запасными магазинами разгрузка камнем пошла на дно. Самым сложным оказалось вытащить руку из вывернувшегося наизнанку рукава – сначала одного, затем второго. Хорошо, догадался загодя выдернуть из ножен штык-нож. Прекрасно осознавая, что опасно задравший нос бэтэера вот-вот утащит его на дно, отмахнул лезвием, рискуя рассечь кожу – раз, другой. Готово. Перехватив штык левой рукой, занялся правой. Что-то сильно, до боли, дернуло запястье – похоже, ремешок наручных часов. Все, освобожден. И даже нож ухитрился не утопить, на чистом автомате впихнув обратно в ножны. Вовремя – над головой как раз сомкнулась зеленоватая водная поверхность, пронизанная рассеянным облачным светом. Всплываем. Оттолкнувшись подошвами ботинок от брони, старлей рванулся вверх. Мгновение – и голова оказалась над поверхностью воды.

Что за хрень?! Почему ночь?! Какая еще на фиг, ночь?! День же только что был?! В глазах потемнело? Так не с чего вроде бы, он ведь не тонул, сознание не терял и башкой под водой ни обо что не ударялся.

Но самое главное – пронизывающий до костей холод. Ледяная вода перехватила дыхание, стянула грудь стальным обручем, обожгла тело под намокшей одеждой. Потребовалось усилие, чтобы сначала вытолкнуть из легких воздух, а затем сделать новый вдох. Из рта вырвалось облачко пара, тут же унесенное прочь порывом морозного ветра. Рядом, буквально в каком-то десятке метров, внезапно коротко сверкнуло, по ушам и телу ударил тяжелый удар. Близкий взрыв поднял могучий фонтан воды, окатив, словно из шланга, знакомо пахнуло тухлятиной сгоревшего тротила.

Алексеев ошарашенно потряс головой. В воздухе коротко взвизгивали пули, одни высоко, другие – гораздо ниже. Некоторые попадали в воду, подкидывая высокие и узкие фонтанчики. Да что вообще происходит-то?! Почему ночь, почему взрыв, почему трассеры над головой летают и осветительные ракеты в небе висят?! Морячки с бэдэка что, вообще с ума посходили, по своим боевыми лупить?! Учения ведь, не война! Тут же люди кругом, десантники! К слову, странные какие-то десантники, определенно не его морпехи – в черных бушлатах и старых, словно в кино про Великую Отечественную, касках, мокро отблескивавших в свете коротких вспышек. Блин, да что это за...

Додумать мысль старший лейтенант не успел: новый взрыв оглушил его, отправив в беспомыслие. Утонуть, несмотря на накрывший его вал вспененной воды, к счастью, оказалось не суждено: спас оказавшийся рядом пробковый круг, в который Степан намертво вцепился обеими руками перед тем, как потерять сознание. Не тот, который Никифоров притащил со старого сейнера и принайтовал к башне, а другой, поновее, окрашенный киноварью и свинцовыми белилами, с номером судна и леером из пенькового линия...

Глава 2

Попаданец

*Район Южной Озерейки,
ночь 4 февраля 1943 года*

– Одежка у него уж больно странная, – задумчиво сообщил седоусый старшина Левчук. – Не из наших точно, может, соседский? Они рядышком высаживались, могло волнами отнести. Разведчик, наверное, видал я у них такие штаны пятнистые. Ботинки опять же, а не сапоги.

– Очнется – спросишь, – пожал плечами рядовой Аникеев, подсаживаясь поближе к жарко растопленной трофейной буржуйке. – Ежели выживет, конечно. Уж больно перемерз, бедолага. Как бы воспаления легких не случилось. Февраль на дворе, не лето чай...

– Это да, – со знанием дела согласился старшина. – Пока мы с немчурой на первой линии окопов рубились, он так на бережке без сознания и провалялся. Я когда за ним после боя возвращался, грешным делом думал, что уж помер, бедолага. Ан нет, живучим оказался, не очурился. Слушай, а может, он из танкистов? Ну тех, что на американских танках десантировались? То ли соляжкой от него разит, то ли мазутом. Вон, и штаны все перемазанные, и волосы. Хорошо, кстати, что стрижен коротко, иначе б не отмыть было.

– Может, и так, – вяло согласился слегка размякший возле жарко натопленной бочки Аникеев. От влажного бушлата шел пар. С захваченной вместе с немецким блиндажом печкой им здорово повезло. Хотя, возможно, отрытые практически на самой окраине Южной Озерейки окопы были и румынскими, в этом боец не шибко разбирался – что те враги, что эти. Фашисты, одним словом, разве что каски разные. У одних глубокие, словно ночные горшки, у других – похожие на овальный таз с накладной блямбой-кокардой спереди. Главное, что драпанули быстро, не успев подорвать или заминировать столь нужное замёрзшим советским десанникам укрытие. А вот выстилавшие дощатые нары старые шинели вместе с еще каким-то тряпьем пришлось сразу же выкинуть наружу, на мороз – уж больно много вшей фрицы развели. Впрочем, дело привычное, знакомое любому успевшему повоевать красноармейцу: где немец – там и вошь, как ни сыпь тем порошком, которым все вокруг и провонялось...

– Только какие там танки? Сам же видал, почти все на побережье и остались. Кого прямо на баржах пожгли, кого фрицы уже на берегу расстреляли. Танки, тоже мне! Жестянки консервные, мать их! Америка, понимаешь ли! Ничего нормально сделать не могут! Хотя тушенка у них, признаюсь, неплохая.

Пожав плечами, Левчук на всякий случай промолчал – в танках он разбирался не шибко, а политических моментов в разговорах предпочитал избегать, боясь снова попасть «на карандаш» товарищу политруку. Поскольку после того, как заявил, что Красная армия и безо всякой буржуйской помощи немца одолеет, выслушал целую лекцию о собственной политической недалёковидности и прочем братстве народов, в едином порыве вставших на пути коричневой нацистской чумы. Политрук говорил красочно, образно и понятно, но старшину не убедил.

– А вдруг он того, шпион фашистский? – беззлобно подначил товарища Ванька, поворачиваясь к печке другим боком. – Уф, хорошо! Как думаешь, Семен Ильич? А мы его в расположение приволокли, спирт на растирание потратили, бушлат опять же выделили. Документов-то не имеется. И оружия, кстати, тоже. А что это за боец, ежели оружия нету? Дезертир или шпион, однозначно!

– Болтаешь много, – раздраженно буркнул Левчук, тем не менее ухмыляясь в прокуренные соломенные усы. – Наш он, верно говорю. Когда на берегу в себя пришел, так меня по матушке протянул, что любо-дорого было слушать. Практически не приходя в сознание. Никакой германец подобного не сумеет, поскольку кишка тонка, и вообще – Европа. А уж румын –

тем более. Так что наш он, на то у меня никаких сомнений не имеется! Да и вообще, разведчик, однозначно. Гляди, какой у него штык при себе имелся. – Морской пехотинец рукояткой вперед протянул товарищу стандартный штык-нож от АК-74: – Видать, какая-то новая модель, я подобных ни у наших, ни у немчуры не видал. Жаль, винтарь его потонул, любопытно узнать, к какому оружию такая диковина прилагается. Определенно не к автомату, небось самозарядное что-то, навроде «светки»². И колоть можно, и резать. А что до документов, так понятное дело – вместе с бушлатом на дно ушли. Не в штанах же ему красноармейскую книжку носить? А заодно он, похоже, и часы утопил – на коже след остался. Видать, когда верхнюю одежду скидывал, ремешок и порвался. Странно только, что на правой – левша, видать.

– На нож разведчика похож, – со знанием дела сообщил Аникеев, вертя в руках необычный штык. – Вроде как финка, но с пилкой поверху, чтоб и дровишек для растопки костерка напилить, и провод какой чикнуть. И рукоятка удобная, сама в ладонь ложится. А вот это – однозначно крепление на ствол. Вот только с этой дыркой непонятно, зачем она вообще нужна? Ножны есть?

Старшина усмехнулся:

– Заинтересовался все-таки, салага? То-то же. Имеются ножны, как не иметься. Бакелитовые, не как-нибудь! Ежели их вот таким образом со штыком соединить, ножницы получаются, я уж попробовал. Ну или кусачки. Для колючей проволоки, никак не иначе, грамотно придумано. А то «дырка», «дырка»... Кстати, тут и номер серийный набит, и надпись «сделано в СССР». Понял теперь?

– Понял, – мгновенно посерьезнел Иван. – Точно, разведчик-диверсант! Я про подобных бойцов краем уха слышал, ОСНАЗ называются. Видать, от своих отбился, да взрывом контузило. А тут ты. Только это... они ж не армейцы, они ж совсем из другого ведомства. – Рядовой неопределенно мотнул головой куда-то в угол. – Может, стоило сразу в особотдел сообщить? Их же человек-то? А что соляром за версту воняет – так они десантом на танках идти могли, вот и перемазался. Или на сейнере в мазут по неосторожности влез.

– Может, и стоило. – Левчук аккуратно задвинул штык в ножны и с явным сожалением отложил в сторону. – Только где его сейчас искать, особотдел-то этот? Да и в бой скоро, германцы нам много времени не дадут, поди, и рассвета ждать не станут. Только не на танке он десантировался, а на сейнере плыл. Спасательный круг помнишь? Тот, что я еле-еле из его рук выдрал? Там номер судна на боку нарисован. Один из наших корабликов, однозначно. Или мотобот, или сейнер. Кстати, повезло ему: пуля немецкая напрямиком в круг попала, да, видать, на излете была, в пробке застряла. Еще бы пару сантиметров в сторону – и аккурат в голову. Ладно, Ванюш, давай-ка попробуем его в чувство привести. Ты спирта в кружку плесни, ежели очнется, дадим выпить, все одно у нас другого лекарства нету.

– Ну давай. – Аникеев осторожно похлопал старлея по щекам. – Эй, братишка, ты как? Слышишь меня? Спирту хочешь?

– Тебе лишь бы кирнуть на халяву, – беззлобно хмыкнул старшина, скручивая с помятой алюминиевой фляги крышку. – Ему сначала водички бы в самый раз. Как насчет водички, браток? У Левчука водичка хорошая, колодезная, с большой земли...

Прохладная вода смочила спекшиеся губы, потекла по подбородку, намочила едва просохшую тельняшку. Алексеев инстинктивно попытался глотнуть, закашлялся и пришел в себя, очумело трясая головой. Собственно, он и без того уже практически очнулся, слышал разговор находящихся рядом людей, вот только суть до него так и не доходила, только отдельные слова. Обсуждали бой на первой линии окопов, где он отчего-то едва не замерз насмерть, американские танки, его штык-нож, называли разведчиком-диверсантом, упоминали особый отдел... по отдельности фразы казались понятными, но в целом картинка упорно не складывалась.

² «Светка» – жаргонное название самозарядной винтовки Токарева СВТ-40.

При чем тут вообще его камуфляж, солярка, утонувшая винтовка – откуда у него, комвзвода, взяться винтовке?! – и какой-то пробитый немецкой пулей спасательный круг? Так, стоп, спас-круг, точно! Именно что спасательный круг! Пробковый, ага, с застрявшей немецкой пулей, которую однозначно опознал Виктор Егорович и которую он так и таскал в кармане...

Что все это значит?! Какой еще бой на первой линии окопов? Зачем они снова воюют с немцами – неужели бундесам прошлого раза не хватило? И почему февраль, если сейчас середина июля?

Обведя склонившихся над ним людей безумным взглядом, Степан прохрипел:

– Кто вы? Где я?

– А ну, Ванюш, подними его, – скомандовал старшина. – Похоже, и вправду в себя пришел, коль вопросы задает. Вот теперь можно и спирту дать.

– Ага, – Аникеев рывком усадил старлея на топчане, грубо сколоченном из неотесанных досок. Привалив спиной к бревенчатой стене, протянул кружку. – Накось глотни, браток, глядишь, попустит малехо. Только осторожно, не задохнись, чай, не водка. А следом водичкой запьешь.

Зубы коротко стукнули о край эмалированной посуды, в нос ударил резкий запах неразбавленного спирта. Обжигающий огненный комок скользнул, вышибая слезы, по пищеводу. Левчук предусмотрительно поднес к губам фляжку. Сделав несколько жадных глотков и отдышавшись, морпех несколько секунд прислушивался к своим ощущениям. По телу разливалось приятное тепло, в голове потихоньку прояснялось. Похоже, и на самом деле отпустило. Самое время получить ответы на некоторые вопросы, угу.

Старшина опередил:

– Ну вот, вроде бы ожил. Кто мы такие, спрашиваешь? Да понятное дело, кто – морская пехота мы, десантники. Где находимся – тоже не секрет, под Новороссийском, понятно. Южная Озерейка, ежели точно. А вот ты кто таков будешь? Назовись, что ли? А то спасти-то я тебя спас, на берег выволок, после сюда притащил, а вот про все остальное – одни только догадки и имеются. Имя свое с прочим званием-то хоть помнишь? Или память взрывом отшибло?

– П... помню, – чуть заикаясь, кивнул Степан. – Старший лейтенант Алексеев, комвзвода морской пехоты. Высаживался с десантного корабля, бронетранспортер заглох, начал тонуть, отправил бойцов вплавь. Сам тоже едва не утонул, когда выбрался на поверхность – контузило взрывом. Хорошо, успел за какой-то спасательный круг ухватиться. Больше ничего не помню, очнулся уже тут, с вами.

Услышал звание, Левчук хмыкнул, обменявшись с товарищем быстрым взглядом. На не слишком привычное название «бронетранспортер» он никакого внимания не обратил:

– Виноват, тарц лейтенант, не знал, поскольку знаков различия при вас не имелось, как и документов. Разрешите представиться – старшина Левчук, рядовой Аникеев. Тоже морская пехота, понятно, двести пятьдесят пятая бригада, сто сорок второй отдельный батальон. Вы вообще как, оклемались? Видал, как вас в море снарядом накрыло, еще б чутка ближе – и амба. Так что свезло. А контузия – ничего, пройдет, по себе знаю.

– Автомат мой где? – потряс гудящей головой морпех, незаметно осматриваясь.

Он находился в каком-то блиндаже с низким бревенчатым потолком. По центру – грубо сколоченный стол, в дальнем углу – изготовленная из стандартной двухсотлитровой бочки печка-буржуйка, труба которой уходит в прорубленное в бревнах наката отверстие. Вход занавешен плащ-палаткой, за которой, нужно полагать, располагается еще и дверь, поскольку никакого сквозняка не ощущается, в землянке достаточно тепло. Вдоль стен – ничем не застеленные узкие лежаки-нары общим количеством три штуки.

На ближайших лежит пара солдатских вещмешков, горловина одного из которых распущена, рядом – нехитрое армейское имущество – исцарапанные до металла каски, гранатные и патронные подсумки, малые пехотные лопатки в чехлах, непривычного вида вскрытый патрон-

ный цинк, узнаваемые благодаря дисковым магазинам пистолеты-пулеметы Шпагина (или Дегтярева, откровенно говоря, Степан их не слишком различал, помнил только, что кожух ствола разный), еще какое-то оружие навалом.

Неяркое освещение дает стоящая на щелястой столешнице лампа, раньше виденная исключительно в кинофильмах, – подобные вроде бы назывались «летучей мышью». Пахнет сгоревшим керосином, оружейным маслом, кирзой, влажной одеждой, еще чем-то неузнаваемым, резко-химическим, в чем любой советский боец безошибочно опознал бы немецкий порошок от вшей.

– Так нету вашего автомата, потоп. Один только штык с ножнами и уцелел, вон он лежит. Только вы не переживайте, этого добра у нас полно. И трофейное имеется, и наше. – Собошедник тяжело вздохнул. – Много ребят сегодня побили, так что и оружие осталось, и боеприпасы. Подберем. С боеприпасом, правда, похуже, но без патронов не останетесь, верно говорю. Вы, товарищ командир, еще спирта хлебните да сухарем с тушенкой зажуйте, чтоб сильно не разморило. Вань, приготовь товарищу командиру закусить. Только быстренько. И бушлат накиньте, скоро знобить станет, я в сорок втором, было дело, в полыню, германской миной пробитую, провалился, знаю. Хороший бушлат, почти новый... – старшина хотел еще что-то добавить, но внезапно осекся, смущенно вильнув взглядом.

И Степан внезапно понял, что именно осталось недосказанным: бушлат еще какой-то час назад принадлежал одному из убитых десантников. Как и оружие, которое ему обещали «подобрать». Что, впрочем, не помешало ему натянуть практически сухой флотский бушлат, черный, с украшенными якорем латунными пуговицами.

А следом в голове полыхнула новая мысль: если он так легко все это принял, значит, уже догадался, ГДЕ он находится?! Точнее, КОГДА?! Догадался – и... согласен с этим?!

– Старшина, – горло свело предательским спазмом, на сей раз вызванным отнюдь не спиртом. Глубоко вздохнув, задержал дыхание, выждал пару секунд и продолжил: – Меня контузило, сами знаете. Провалы в памяти, смутно все. В голове – словно каша какая-то. Одно помню четко, другое – нет, третье – одни обрывки...

Ну сейчас – или никогда:

– Левчук, какой сегодня день?

Вопрос старшину, похоже, нисколько не удивил: пожав плечами, тот спокойно ответил:

– Дык тот же самый, что и был, четвертое февраля.

– Сорок третьего? – на полном автомате спросил Степан, уже точно *зная*, каким именно окажется ответ.

– Года-то? Да уж понятно, что не сорок первого. Хватит, наотступались! Скоро уже и вперед попрем! – Судя по всему, старлей случайно затронул болезную для старшины тему. Хотя, если вспомнить его фразу про контузию и пробитую миной полыню, то повоевать он определенно успел немало.

– Про Сталинград-то хоть помните, тарщ старший лейтенант? Буквально позавчера новость прошла, в сводке передавали, и товарищ комиссар на политзанятии доводил. Неслабо мы там германцу накостыляли, ох как неслабо, цельную армию в плен взяли, да еще и с фельдмаршалом во главе! Имя вот только подзабыл, прибалтийское какое-то, что ли...

– Паулюс, – так же чисто автоматически ответил Алексеев, думая о своем. – Фридрих Паулюс его зовут. И ни разу он не прибалт, самый обычный немец.

Ну что ж, вот все и прояснилось, собственно.

Сейчас четвертое февраля одна тысяча девятьсот сорок третьего года. Двое суток назад капитулировала 6-я армия во главе с новоиспеченным фельдмаршалом Паулюсом, не оправдавшим надежд фюрера на собственное героическое самоубийство в обмен на новые погоны и фельдмаршальский жезл. Советское командование продолжает наступление на Ростов и Донбасс, готовит операцию на Майкопском направлении. И сегодня, буквально каких-то несколько

часов назад, начался планируемый еще с конца осени 1942 года морской десант в районе Новороссийска. Тот самый, который, хоть и развивался совсем не по первоначальным планам, в конечном итоге привел к появлению легендарного плацдарма Малая Земля, впоследствии сыгравшего немалую роль в окончательном освобождении от вражеских войск как города, так и всего Таманского полуострова, ключом к которому и являлся Новороссийск. Основная группа десанта высаживалась здесь, у Южной Озерейки – или Озереевки, как ее станут называть в будущем.

Мощная такая группа, в состав которой входили две полнокровные бригады морской пехоты, 83-я и 255-я, 165-я стрелковая бригада, батальон легких танков, истребительный артиллерийский полк ПТО и отдельный пулеметный батальон. С тыла должны были ударить высаженные в районе поселков Васильевка и Глебовка парашютисты авиадесантного полка, с которыми морпехам надлежало соединиться после подавления немецкой береговой обороны. Прикрывали высадку удары советских бомбардировщиков и артогонь привлеченных к операции пары крейсеров, нескольких эсминцев и канонерских лодок.

Увы, из-за череды роковых случайностей (сложные метеоусловия, задержка с погрузкой, отложившая выход в море почти на полтора часа, несоординированность артиллерийских и авиационных ударов, плохая связь) и откровенных просчетов командования операцией высадиться удалось лишь полутора тысячам десантников первого эшелона при поддержке полутора десятков легкобронированных и слабовооруженных американских танков. Да и противник, как выяснили ценой собственных жизней советские морпехи, оказался полностью готов к отражению десанта именно на этом участке побережья, безнаказанно расстреливая подсвеченные прожекторами и осветительными ракетами десантные суда из мощных зенитных орудий и расположенных на обратных скатах высот минометов. Были повреждены или потоплены все три танкодесантные баржи-«болиндера»³, несколько буксиров, катеров, сейнеров и других плавсредств; сожжена большая часть танков, часть из которых не успела даже высадиться на берег или преодолеть узкую полосу пляжа.

Ошибочно посчитав, что десант провалился, командующий операцией вице-адмирал Октябрьский в половине седьмого утра отдал приказ вернуть основную массу войск на базы, оставив морпехов без поддержки корабельных орудий и ожидаемой с минуты на минуту помощи.

И все же им удалось пережить эту огненную ночь, добившись серьезного успеха: одновременно обойдя противника с тыла и флангов, они ударили по 88-мм зенитной батарее, вынудив ее командира взорвать орудия и уйти. И без того измотанные ночным боем румынские пехотинцы – а к сорок третьему году относительно их боевых качеств никаких сомнений уже не осталось не только у Красной армии, но и у самих гитлеровцев, – частично просто разбежались, частично сдались в плен.

Если бы в этот момент морские пехотинцы при поддержке уцелевших танков ударили в тыл остаткам противодесантной обороны, обеспечив безопасную высадку основных сил, вся история Южно-Озереевской десантной операции, равно, как и Новороссийска, могла бы пойти совсем иначе. Однако корабли, как уже говорилось, ушли...

Преследуя отступающего врага (и не закрепив за собой базы высадки, что оказалось серьезным тактическим просчетом – пляж вскоре снова заняли румыны), десантники с ходу захватили Южную Озерейку, к вечеру достигнув Глебовки и овладев ее окраинами, однако развить наступление дальше уже не сумели. Тем не менее еще почти трое суток оказавшиеся

³ Мелкосидящая плоскодонная десантная баржа, некогда оснащенная двигателями шведского конструктора Болиндера, что и дало ей вошедшее в историю название. К моменту описываемых событий построенные во времена Первой мировой «болиндеры» уже давно перешли в категорию несамоходных плавсредств. Во время Озереевского десанта по морю их буксировали тральщики, а к берегу подводили буксиры. Каждый «болиндер» перевозил до 10 легких танков и пару грузовиков с горючим и запчастями к ним.

в окружении морпехи героически сражались против значительно превосходящего численностью и вооружением противника – спешно переброшенными в район боевых действий горными стрелками, атаковавшими советские позиции при поддержке танкового батальона и нескольких артбатареяй. Кончались боеприпасы и перевязочные средства, но они держались. Но самое главное – все эти кровавые дни и ночи они оттягивали на себя силы практически целой вражеской дивизии, что и позволило вспомогательному десанту под командованием майора Куникова закрепиться в районе Станички, дождавшись высадки основных сил... тех самых основных сил, которые так и не пришли на помощь озереувским десантникам...

До сих пор доподлинно неизвестно, скольким из них удалось прорваться к ведущим бои в Станичке товарищам или скрыться от преследования в горных лесах, соединившись с остатками воздушного десанта или местными партизанами. Официально считается, что к Станичке вышло около двухсот морпехов; еще 25 вместе с последними уцелевшими воздушными десантниками эвакуировали кораблями, несколько бойцов скрылись в горах...

Вспомогательный же десант, изначально призванный просто отвлечь внимание противника от побережья в районе Озерейки и состоявший из неполных трех сотен морских пехотинцев без тяжелого вооружения, высаживался южнее, в районе небольшого поселка Станичка. Как порой и случается на войне, именно этому крохотному по военным меркам отряду под руководством майора Цезаря Куникова и суждено было добиться успеха. Закрепившись на берегу, а затем и выбив гитлеровцев из южной части поселка (потеряв при этом лишь одного бойца убитым и троих ранеными), советские десантники создали серьезную угрозу правому флангу немецкой обороны, так называемой «голубой линии»⁴.

Если бы комфлота Октябрьский не упустил момент, возвращая корабли на базы, а в эту же ночь перебросил сюда основную часть не состоявшегося под Озерейкой десанта, история Малой Земли тоже могла бы пойти совсем иначе. Но он этого не сделал, за что впоследствии – равно как и за множество прочих просчетов и ошибок – и был снят с должности. Корабли вернулись в Туапсе и Геленджик, откуда их пришлось возвращать приказом командующего Закавказским фронтом генерала Тюленева.

Продлившаяся с 5 по 15 февраля – войска выгружались исключительно в темное время суток – высадка позволила перебросить на плацдарм две бригады морской пехоты, стрелковую бригаду, противотанкистов (всего – более семнадцати тысяч бойцов со средствами усиления), доставить полтысячи тонн боеприпасов, продовольствия, горюче-смазочных материалов. Причем, по данным некоторых историков, все заняло куда меньше времени, не более пяти дней.

Так и началась знаменитая эпопея Малой земли, так или иначе ставшая одним из ярчайших эпизодов Великой Отечественной войны...

Нет, историей старший лейтенант Алексеев никогда всерьез не увлекался, скорее наоборот, просто так совпало. Родной 382-й ОБМП⁵ дислоцировался в Темрюке, потому славное военное прошлое Краснодарского края и, в частности, Новороссийска времен ВОВ бойцы – и особенно офицеры – знали более чем хорошо. Поскольку в определенной мере являлись прямыми наследниками тех самых легендарных морпехов, что прыгали в ледяную февральскую воду и двести с лишним дней насмерть бились с противником на берегу, под постоянными авианалетами и артобстрелами сдерживая натиск едва ли не всей 17-й армии вермахта.

⁴ Условное обозначение рубежа обороны гитлеровских войск на Краснодарско-Таманском направлении «Готенкопф» («голова гота», «голубая линия»). Оборонялся 17-й армией вермахта. Был окончательно прорван во время Новороссийско-Таманской операции в октябре 1943 года.

⁵ ОБМП – отдельный батальон морской пехоты. В данном случае речь идет о 382-м батальоне из состава 810-й отдельной бригады МП Черноморского флота ВМФ России (г. Темрюк, азовское побережье Краснодарского края).

Нельзя сказать, что на обязательных политзанятиях с историческим уклоном Степан столь уж усердствовал, но благодаря отличной памяти запомнил многое. Да и просто интересно было – не зря же во время отпуска на те раскопки поехал, вместо того чтобы поваляться на пляже и покрутить ни к чему не обязывающие шашни с местными девчонками. По собственной инициативе, между прочим, никто не тянул! И прадеды его с немцами воевали: один пропал без вести летом сорок первого где-то в Белоруссии, второй погиб тремя годами позже при освобождении Крыма.

Короче говоря, о том, как развивалась начавшаяся четвертого февраля десантная операция и как оборонялась Малая Земля, Степан знал достаточно неплохо, да и про осеннюю Новороссийско-Таманскую наступательную, которой, по сути, и завершилась битва за Кавказ, тоже более-менее помнил. Не так, чтобы навскидку отбарабанить все ключевые даты, номера подразделений и фамилии их командиров, но помнил. Такое вот, выражаясь языком авторов популярных нынче фантастических романов о попаданцах в прошлое (коими морпех особо никогда не интересовался, хоть и прочитал с подачи своих бойцов парочку, чтобы, как принято говорить, «быть в тренде»), послезнание. Или все-таки *предзнание*, ведь эти события еще не произошли?

На несколько секунд задавшись вопросом, какой термин более правильный, Степан неожиданно осознал, что к нему, несмотря на выпитый спирт, а вернее – как бы дико подобное ни звучало – благодаря ему, окончательно вернулась способность трезво размышлять...

Итак, он каким-то образом попал (перенесся? провалился?) в нереально далекое прошлое, в февраль сорок третьего года.

Вопрос, каким именно образом подобное вообще возможно, пока отложим как не имеющий ответа. Просто примем как непреложный и, пожалуй, не требующий дополнительных доказательств факт: он уже здесь. А заодно не станем ломать голову и над тем, для чего это произошло и есть ли у него шанс вернуться обратно в свое время. Попал – и попал. Как в том старом-престаром мультике говорилось «уж послала, так послала». Вот именно.

Подумаем лучше, что ему дальше делать. И вообще, и в частности. Вопрос, в принципе, риторический, понятно: воевать, что ж еще? С фашистами, ага. С теми самыми, из черно-белой кинохроники и цветных художественных фильмов. Которые убили обоих его дедов и еще несколько десятков миллионов хороших советских людей. Ладно, допустим. Никаких проблем и прочих моральных терзаний: именно этому его, собственно говоря, и учили, к этому и готовили. Да и новомодные психологические тесты однозначно показывали, что он готов к реальным боевым действиям. Так что повоюем с продвинутыми еврогейцами чай не впервой – предки не дадут соврать.

Что еще? Если судить по тем самым «попаданческим» романам, его могут раскрыть сотрудники особого отдела, поэтому стоит прикинуть, на чем он может спалиться. Одежда? Намокшие камуфляжные брюки и берцы у Левчука никакого особого удивления не вызвали, тельняшка – тем более. И даже опережающий это время на пару десятилетий штык-нож не заставил старшину немедленно разыскивать представителя «кровавой гэбни». Спасибо, нужно полагать, надписи «сделано в СССР» – а он-то, дурак, еще морщился, когда личное оружие выдавали: мол, старье семидесятых годов, неужели ничего поновее нет? Вот тебе и поновее, блин! Хорошо, хоть родной калаш благополучно утоп – он-то у него вполне новый... был, всего-то девяносто пятого года выпуска, и с соответствующей надписью на ствольной коробке. Повезло, хотя и жалко, конечно. Придется Михаилу Тимофеевичу с нуля свое легендарное детище разрабатывать...

«Жетон! – кольнула мысль. – Пойди объясни тем самым особым товарищам, отчего там «ВС России» выгравировано вместо привычного «РККА». Да и вообще, не используются в Красной армии жетоны, только бакелитовый медальон с вложенной внутрь бумажной анкетой – как там его Егорыч называл, «ЛОЗ», что ли? Хотя стоп, тут как раз все в порядке – опознава-

тельный жетон он, как и большинство других морпехов, сразу же намертво приклеил скотчем к удостоверению личности, которое носил во внутреннем кармане куртки. Поскольку ношение его на шее на корабле категорически не приветствовалось и даже запрещалось с точки зрения техники безопасности. Зацепишься за что-то – и каюк. Если шнурок вовремя не порвется, или придушит, или кожу до мяса раздерет. Правда, в форменных брюках имелся еще специальный кармашек под поясным ремнем, но о том, чтобы кто-то таскал там жетон, Степан даже не слышал – потеряешь, забыв вынуть, при первой же стирке, и потом придется восстанавливать, предварительно выслушав от вышестоящего начальства много интересного о себе, любимом. А куртка благополучно утонула вместе с бронетранспортером, полевой сумкой и разгрузкой. Ну и с автоматом, как неожиданно выяснилось. То ли еще там, в будущем, то ли уже здесь, в прошлом. Кстати, насчет времени...»

Старший лейтенант бросил быстрый взгляд на запястье, с трудом подавив разочарованный вздох. А вот часов реально жалко, хорошие были часы, водонепроницаемые, противоударные, с автозаводом и кучей всяких полезных опций. И недешевые, кстати. Купил на выпуск из училища, думал, всю жизнь пронесит, а оно вон как вышло – пошли на дно вместе со всем остальным имуществом. Небось, лежат себе тихонечко на донном песочке, время отсчитывают, поскольку водонепроницаемые, аж до ста метров давление держат. И ежели производитель батареек в рекламе не врет, в аккурат до самой победы и дотикают. Кстати, насчет того, что он левша, старшина ошибся: многие бойцы носили часы именно что на правой руке, чтобы не выходили из строя от вибрации при частой стрельбе из автомата.

Все? Ну да, вроде бы все. Больше его принадлежности к иному времени (равно как и другой армии и стране) выдать ничего не может, поскольку никаких татуировок он не имел, да и в карманах брюк ничего предосудительного не было. Разве что давешняя пуля и тот самый дешевый перочинный ножик, что отчего-то поверг в шок парочку военных археологов. Если не потерял, пока в море барахтался, конечно. Ну нож-то вообще не проблема, если вдруг и прицепятся – легко отбросится, что, мол, трофейный. Или у фрица прихватизировал, или выменял у кого-то из успевших повоевать бойцов. На папиросы, допустим, выменял, поскольку сам не дымит, а табачная пайка бойцу наверняка положена. Или тут больше махорка (которую старлей, к слову сказать, ни разу в жизни в глаза не видел) распространена?

Вспомнив про нож, Алексеев на миг замер, пытаясь поймать ускользающую мысль. Не поймал, хоть и остался в полной уверенности, что мысль определенно была важной. Возможно, даже с приставкой «очень»...

А в следующий миг все это и вовсе отошло на второй план.

Блиндаж внезапно вздрогнул до самого основания, утоптаный пол ощутимо долбанул по подошвам, на голову и шею щедро сыпануло с разошедшегося потолка – хреново немцы строили, видать, поленились лишний накат сделать – землей и древесной трухой. Вытяжную трубу смяло, и покосившаяся буржуйка густо задымила, наполняя помещение едкой гарью. Керосинка опрокинулась и судорожно заморгала, отбрасывая на стены тревожные мечущиеся тени.

Долей секунды спустя пришло забивающее уши «бу-бу-м-м-м» близкого взрыва. А следом – и еще одного. И еще...

Глава 3

Артналет

*Район Южной Озерейки,
утро 4 февраля 1943 года*

Степан отреагировал на полном автомате, на рефлексках отрабатывая намертво вбитые боевые навыки: выйти из-под обстрела, найти укрытие, проверить оружие, вступить в бой. Мельком порадовался, что керосинка не погасла: в темноте пришлось бы куда как сложнее. Метнувшись к нарам, ухватил ближайший автомат и подсумок с запасными дисками и, пригнувшись, чтобы не расшибить голову о просевшую подпорную балку, рванул к выходу. Сорвав плащ-палатку, толкнул дверь от себя, краем сознания припомнив, что открываться она вроде бы должна наружу, дабы не внесло внутрь ударной волной близкого взрыва. Или все-таки наоборот, чтобы снегом или землей не привалило? К занятиям по полевой фортификации Степан, как и большинство курсантов, относился без особого пиетета, искренне полагая, что в современной высокоманевренной войне морпехам копать блиндажи уж точно не придется, тем более для подобного имеются инженерные войска, а вот надо же – и запомнилось кое-что, и пригодилось. В том смысле, что дверь послушно распахнулась – именно что *наружу*...

Левчук с Аникеевым, судя по металлическому лязгу и сдавленному мату за спиной, отреагировали столь же быстро и занимались примерно тем же самым. То есть экстренно «вышли из-под обстрела», не дожидаясь повторного прилета фугасного подарка, который, вполне может стать, на сей раз ляжет с полным накрытием и от которого вряд ли защитит хилый накат немецкого – или кто там его строил? Вроде бы в разговоре еще и румын упоминали? – блиндажа. А в том, что на втором слое бревен вражеские саперы определенно сэкономили, Степан даже не сомневался, уж больно щедро сверху землицей сыпануло.

Снаружи была сизая от дыма морозная ночь, и тухло воняло сгоревшим тротилом.

Алексеев на секунду замешкался, пытаясь сориентироваться и понять, куда, собственно, следует бежать. Нет, понятно, конечно, что вверх по нескольким вырубленным в мерзлой земле ступенькам – и дальше по ходу сообщения, вот только оный ход уходил и вправо, и влево.

– Направо давайте, тарщ лейтенант, – ощутимо пихнул в спину старшина. – Левый ход наверняка завалило, как раз с той стороны и рвануло.

Степан послушно двинулся в указанном направлении, успев пробежать метров пять, прежде чем очередной осколочно-фугасный подарок лег совсем недалеко от траншеи: похоже, фрицы заранее пристрелялись по собственным бывшим позициям. Короткая вспышка, могучее «бу-бумм», выворачивающий внутренности акустический удар – и лупящие по головам и спинам залегших бойцов комья мерзлой земли. Спустя буквально секунду – еще один разрыв, теперь где-то позади, как бы даже не в районе блиндажа, светлая ему память, коли так. Похоже, угадал: в окоп посыпались обломки искромсанных бревен, расщепленные доски, еще какой-то мусор.

– Ух, ё! – прокомментировал происходящее старшина, трясая головой. – Метко садит, сволочь! Держите, тарщ лейтенант, шлем, а то, не ровен час, голову зашибет! А вот автоматик вы бы мне...

Левчук не договорил, одновременно с высверком очередного взрыва утыкаясь в землю. Снова бабахнуло, щедро одарив морских пехотинцев новой порцией земли. Впрочем, Алексеев его прекрасно понял: судя по всему, пистолет-пулемет, который он прихватил, покидая блиндаж, принадлежал старшине. Не оборачиваясь, забрал у бойца каску, напялил на голову. Не успевший просохнуть подшлемник неприятно охлаждал кожу, и Степан искренне надеялся, что влажный он из-за морской воды.

Еще один взрыв, и еще – немцы лупили залпами, не жалея боеприпасов. Утоптанное дно траншеи ходило ходуном, с оплывающих буквально на глазах стенок сыпалась земля, по затянутой плотным сукном бушлата спине и шлему молотили камни, в ноздри лезла тухлая кислятина сгоревшей взрывчатки.

Взрыв. Снова взрыв. Перерыв в пару-тройку секунд. Взрыв. Взрыв. Пауза. Взрыв. Пауза. Взрыв.

И только сейчас, всем телом вжимаясь в промерзшую наковальню новороссийской земли, по которой с безжалостным постоянством долбил исполинский молот немецкой батареи, впервые оказавшийся под артобстрелом Степан вдруг осознал, *что именно* он видел во время раскопок. И почему поисковики говорили, что в окрестностях города грунт в буквальном смысле наспигован металлом. Вот этим самым металлом, который сейчас с нежным журчанием падал на занятые советскими морпехами бывшие фашистские окопы. И еще старший лейтенант неожиданно поймал себя на мысли, что точно не уверен, гаубицы по ним лупят или минометы: слух отшибло после первых же разрывов, так что пойдя пойми, журчит оно или воет...

Взрыв. Взрыв. Взрыв. Оглушающая звенящим беззвучием пауза и противный металлический привкус во рту. Взрыв. Взрыв. Короткая передышка. Взрыв. Взрыв. Взрыв.

Аникеев все-таки не выдерживает, что-то иссупленно кричит (сквозь напрочь забитые уши не пробивается не один звук, кроме бесконечного глухого бумканья новых разрывов) и пытается встать. Но опытный старшина вовремя хватает его за поясной ремень, дергая назад и прижимая в земле.

И неожиданно наступает тишина.

Настоящая, а не звенящая в ушах тишина. Нет, противный, проникающий куда-то под самую черепную коробку комариный звон никуда не уходит, лишь меняет тональность. Старлей инстинктивно трясет головой, словно это может помочь. Осторожно приподнимается. С каски и бушлата сыплется земля, рот и нос забиты пылью. Неужели все закончилось? Интересно, сколько времени прошло? Час, два, больше? Нет, понятно, конечно, что глупость, что прошло от силы несколько десятков минут, но подсознание не верит, убеждая в обратном...

Левчук что-то говорит, и Степан неожиданно осознает, что уже начал его слышать:

– Впервой, что ли, говорю, под обстрел попал, лейтенант?

Морпех согласно кивает, судорожно, до рвущего горло кашля отплеываясь. Странно, вроде и земля мерзлая, а во рту – сплошная пыль, словно летом. И слюна вязкая, коричневая такая, будто шоколадный батончик сжевал. Вот только вкус у этого батончика больно уж странный.

– Тогда понятно, когда в первый раз, оно завсегда страшно. Я, тарщ лейтенант, честно вам признаюсь, когда впервые под германскими фугасами полежал, едва того, под себя не сходил. Причем сразу в обоих смыслах. Одно удержало – позориться перед товарищами уж больно не хотелось. А после и вовсе не до того стало, когда немец на наши позиции попер. Он-то, дура, считал, что с землей нас качественно перемешал, а мы ему так дали, что еще почти сутки позицию держали. Далекое это было, под самой Москвой. Ну так чего, оклемались? Держите-ка вот фляжечку, рот прополощите да водички глотните. Немного только, когда еще доведется новой набрать.

– Нор... нормально, – наконец отдышался Степан, с благодарностью принимая фляжку. – Спасибо, старшина. Что теперь?

– Так оно понятно что, – добродушно ухмыльнулся старшина. – Сейчас фриц на нас двинет, чтобы обратно из окопов выбить. Ну а мы ему прикурить дадим, чай, не впервой. Вы мне только оружие мое верните, добро? Поскольку штатное, и номерок в соответственном документе прописан. А я вам взамен другой дам, как давеча и обещался, и боеприпасом на первое время поделюсь.

Так до конца и не пришедший в себя Алексеев автоматически протянул старшине пистолет-пулемет, получив взамен точно такой же, разве что с расщепленным пулей или осколком прикладом, впрочем, надежно удерживаемым затыльником. С интересом повертел, изучая, благо света почти хватало: неподалеку что-то достаточно жарко горело. И надеясь при этом, что со стороны это не выглядит достаточно подозрительно – проверяет себе человек оружие, чтобы не подвело в самый ответственный момент, и проверяет. Мало ли что – грязь куда не следует набьется или заклинит чего, автомат-то не новый, недаром приклад расщепило. Не скажешь ведь, что впервые в руках держишь?

Ну да, тот самый знаменитый ППШ-41, знакомый по кинофильмам о войне и музейным экспозициям. Знать бы еще, как именно им пользоваться. Со спусковым крючком все понятно, со шпёнком впереди от него – тоже: ничем иным, кроме переводчика огня, он быть просто не может. Стопор магазина также вопросов не вызвал, хоть и располагался не шибко удобно – зимой да в толстых перчатках фиг сдвинешь. А вот где на этом легендарном раритете расположен предохранитель, еще нужно будет выяснить. Хотя вот же он, ребристый ползунок на рукоятке затворной рамы, входящий в соответствующий паз ствольной коробки. Вот и разобрались... наверное.

– И вот еще держите, тарщ лейтенант, мне чужого не нужно. – Старшина протянул Степану калашниковский штык-нож, о котором он, честно говоря, даже и не вспомнил. – Расскажите потом, от чего такая диковина?

– Обязательно, – машинально кивнул морпех. – Спасибо, старшина!

– Вот и договорились. Ванька, ты как, отошел малость? Поднимайся, да пошли позицию искать, потом, нутром чую, времени не будет. Я первым, вы с товарищем командиром следом. Тарщ командир, еще вопросик разрешите: а по имени-то вас как зовут? А то в блиндаже вы только фамилию назвали да звание.

– Степаном.

– Хорошее имя, правильное, – одобрил Левчук. – А меня Семеном матушка с батяней при рождении нарекли. Ну а товарища нашего Иваном кличут, это, полагаю, вы уж и без меня поняли. Вот и познакомились, стало быть.

Следующие несколько минут они пробирались по засыпанным близкими взрывами ходам сообщения. Бывшей вражеской линии обороны, кое-где полностью разрушенной прямыми попаданиями, досталось всерьез, однако в целом разветвленная сеть окопов все-таки уцелела. Не оттого, понятно, что немцы с румынами столь уж строго придерживались правил полевой фортификации, а благодаря многочисленным промахам собственной же артиллерии.

Пришедшие в себя после получасовой артподготовки морские пехотинцы занимали позиции, обслуживали оружие, оказывали первую помощь раненым, торопливо восстанавливали оплывшие окопы, истово рубя пехотными лопатками мерзлый грунт. Ни малейших признаков паники или даже растерянности не было: бойцы просто занимались привычной *работой*.

Перебираясь вслед за товарищами через завалы, уступая дорогу тащившим раненых и боеприпасы морпехам, старший лейтенант впервые в жизни увидел погибших в бою солдат – до того как-то не доводилось: в горячих точках Алексеев не служил, а на учениях несчастных случаев не случалось. Вот только выглядели павшие вовсе не так, как представлялось ранее, – изломанные взрывами, со снесенными осколками черепами и оторванными конечностями, с вывороченными из живота парящими на морозе сизо-серыми кишками, перемешанными с землей...

В какой-то момент Степана откровенно замутило, и без того ватные ноги задрожали, и он был вынужден привалиться к стенке окопа. Они как раз проходили мимо сидящего на корточках бойца, чье обезображенное лицо под пробитой крупным осколком каской было залито кровью, в полутьме кажущейся почти черной. Прошив тонкую сталь, осколок откло-

нился вниз, нелепо выворотив нижнюю челюсть, жутковато отблескивавшую в неверном свете двумя коронками из нержавеющей стали на коренных зубах.

Опытный вояка Левчук, бросив на Алексеева быстрый взгляд, тут же отреагировал:

– Ничего, лейтенант, и так тоже бывает. Ты ж вроде из разведки, неужто раньше мертвяков не видал? – Старлей так и не понял, отчего старшина обращается к нему то на «вы», то на «ты». Да и какая, в принципе, разница?

– Из разведки, – кивнул морпех, потихоньку вживаясь в недавно озвученную самим же старшиной легенду – Но не видел, сразу после учебки сюда направили. Первый бой.

– Тогда понятно, – абсолютно серьезно кивнул тот. – Все мы такими были. Ты смотри, смотри, командир, запоминай. Чтобы потом сомнений ненужных не испытывать и врага не жалеть. Когда с германцем в рукопашной схватишься, злее будешь. И решительнее. – Наклонившись к убитому, старшина что-то сделал, протянув Степану поясной ремень с несколькими брезентовыми подсумками под автоматные магазины. – Держи... да держи, говорю, твою ж мать! Ему уже не нужно, а у тебя всех боеприпасов один диск! Вот еще гранаты возьми и лопатку, полезная вещь.

Шумно сглотнув, старший лейтенант принял скользкий от крови ремень, подпоясал бушлат, чисто автоматически запихнул за пояс две непривычного вида гранаты. Вроде бы РГД-33 подобные назывались. Прицепил рядом ножны со штык-ножом. Малую пехотную лопату после некоторого колебания просто засунул черенком за ремень на поясище, поскольку чехла к ней отчего-то не прилагалось. Лопатка, к удивлению Степана, оказалась самой обычной МПЛ-50, отличаясь от привычной ему разве что клепаной тулейкой⁶ и обжимным кольцом. В остальном же – все то же самое, что и в его время: пятиугольный штык и отполированный ладонями неокрашенный черенок с утолщением на конце.

– Молодцом, – одобрил старшина, надвигая на изувеченное лицо погибшего пробитую каску. – А то, что накричал на вас, тарщ лейтенант, так извиняйте, не со зла, а чтобы в чувство привести. Потом можете соответственным образом в рапорте оформить, мне уж не впервой.

– Какой на... рапорт, совсем, что ли, сдурел? – дернулся Степан, внезапно ощутив, что, похоже, окончательно пришел в себя. – Спасибо...

– Да завсегда пожалуйста, – хмыкнул тот, дернув небритой щекой. – Идемте, Ванька вон позицию подобрал. Сейчас попрут.

– Немцы? – проявляя чудеса догадливости, переспросил морпех.

– Угу. Или румыны. Не беда, нам особо долго-то держаться и не нужно, скоро наши вторую волну высадят, всяко попроще станет. Да и корабельной артиллерией подмогут, чтобы всяким гадам жизнь медом не казалась. Долбанут главным калибром по разведанным ориентирам, только клочки по закоулочкам полетят, – и добавил с ухмылкой: – Ну ежели не промажут, понятно.

Несколько секунд Алексеев осмысливал услышанное, пытаясь сложить в уме хрестоматийные два и два, затем обратился к товарищу:

– Старшина, а сколько сейчас времени? Часы у тебя есть?

– Имеются, – гордо хмыкнул Левчук, задирая рукав бушлата. – Как младшему комсоставу да без часов? А времени сейчас в аккурат начало седьмого утра. Двадцать три минуты, ежели точно.

– Извини, старшина, но не будет никакой высадки. Ушли корабли, вот прямо сейчас в открытое море и уходят. И артподдержки тоже не будет.

– То есть как это не будет?! – протянул морской пехотинец, мгновенно закаменев лицом. – Это вы чего такое сейчас говорите? Панику с прочим пораженчеством разводите?

⁶ Часть лопаты, связывающая между собой полотно (лоток, штык) и черенок. Жестко соединяет между собой рукоятку лопаты и штык.

Нехорошо получается, *товарищ старший лейтенант*... – последнее прозвучало почти как ругательство. Привлеченный повышенным тоном Аникеев, до того раскладывавший запасные магазины и гранаты в наскоро вырубленной в глине нише, непонимающе обернулся. И, словно бы случайно, перехватил поудобнее свой автомат.

Краем глаза отметив, что кожух ствола пока смотрит в землю, Степан продолжил:

– Ну ты ж уже догадался, что я из разведки, так? – Левчук осторожно кивнул. – Вот и слушай дальше. Раньше никак не мог сказать, права такого не имел. А теперь – могу, поскольку срок вышел. Главный десант изначально планировался именно там, в районе Станички. Сегодня – захват плацдарма, завтра, пятого числа, основная высадка. А здесь, где нас немцы с румынами ждали и к встрече подготовились – ну ты это и сам прекрасно видел, – проводился отвлекающий маневр, понимаешь? Только об этом практически никто не знал. Наша... ну в смысле моя группа должна была... впрочем, уже и неважно, поскольку нету больше моей группы.

– Так вроде бы наоборот все должно было произойти? – сдвинув каску на затылок, потер лоб старшина. – Нам именно так и доводили, на картах показывали...

– А ты еще не понял? – делано ухмыльнулся Степан, подумав при этом, что врать героическим предкам, конечно, очень плохо и стыдно, но иного выхода все равно нет. Сколько их там вышло к Станичке, около двух сотен из почти полутора тысяч? Да, именно так, максимум двести человек вместе с ранеными. А так, глядишь, и удастся кое-что изменить. Заодно и себя залегендирует – или как там подобное у авторов попаданческих романов обзывается? – Вот и фрицы так считали, потому и расколошматили нас в хвост и гриву. Только мы их в конечном итоге обманули, так уж выходит.

– Звучит вроде бы правдоподобно, – переглянувшись с Аникеевым, пробурчал тот, – да и объясняет, пожалуй что, многое. Ребят только жалко, сколько полегло, и сколько еще погибнет, когда эту атаку отобьем и поселок брать станем...

– Извини, старшина, тут мне ответить нечего. Я в Генштаб не вхож, не мой уровень, сам понимаешь. Да и вообще, первый бой, сам видел, как меня колбасило.

– Чего делало? – откровенно захлопал глазами Левчук. – Колбаса-то тут каким-таким боком?

– Да просто выражение такое, – отмахнулся морпех, лихорадочно придумывая подходящую отмазку. А вообще за языком теперь придется следить, тут тебе не родной двадцать первый век и даже не конец двадцатого. Сболтнешь что-то, не подумав, – объяснять придется, что в виду имел, поскольку это тебе не в интернетиках всякую хрень в комментах нести, на теплом диванчике с холодным пивком сидючи...

О, вроде придумал:

– Ну помнишь, немцев во времена Первой мировой колбасниками называли? Мне один мой боец об этом рассказывал, у него то ли батя, то ли дед на той войне воевал. Отсюда и пошло. Одним словом, «колбаситься» – значит, когда тебе сильно плохо. Как фрицам в те времена.

– Было такое, слышал, – неожиданно легко согласился старшина. – Жаль, не дожали сволочей в империалистическую, и четверти века не прошло, как снова голову подняли да на нас поперли. Ничего, на этот раз в порошок сотрем да по ветру развеем, чтобы в третий раз не повторилось. А словечко смешное, да, надобно запомнить. Добро, тарщ лейтенант, после договорим. Располагайтесь вон там, а мы с Ванькой по сторонам. Коль осветительными ракетами пулять начали, значит, вот-вот в атаку пойдут...

Проверяя оружие, старлей неожиданно поймал себя на мысли, что практически не испытывает страха. Определенное волнение, понятно, ощущалось – щекотало в животе, чего уж там, достаточно ощутимо щекотало, – но вот страха как такового отчего-то не было. Хотя десять минут назад, когда под обстрелом в землю вжимался, казалось, от ужаса с ума сойдет. Или как минимум обос... опозорится, в смысле.

Вместо этого его разумом неожиданно овладело не испытанное раньше чувство абсолютной нереальности происходящего.

С одной стороны, Степан отлично осознавал, что сейчас придется – впервые в жизни, между прочим! – стрелять в живых людей. Не пулять на полигоне по ростовым мишеням ради сдачи зачета по огневой подготовке, а вести прицельный огонь, стараясь гарантированно УБИТЬ, не подпустив к своим окопам. Поскольку, если подпустит, если вон те самые смутно видневшиеся вдали фигурки, в неверном свете очередной вспыхнувшей под низкими тучами осветительной ракеты отбрасывающие на землю изломанные тени, ворвутся сюда, начнется рукопашная. И тогда их тоже придется убивать, но уже как-то иначе – бить прикладом, колоть штыком, рубить лопаткой, если никакого другого оружия уже не останется...

Но, с другой стороны, старший лейтенант никак не мог отогнать навязчивую мысль, что ему придется стрелять в тех, кто и так уже давным-давно мертв. Кого просто не может существовать с точки зрения родившегося спустя пять десятилетий после окончания этой войны человека. Сражаться с теми, чьи пожелтевшие костяки в изъеденных временем касках показывал ему на раскопе Виктор Егорыч – там, на плацдарме, хватало не только останков наших бойцов, но и гитлеровцев.

Морпех потряс головой – не закрепленная подбородочным ремешком каска мотнулась из стороны в сторону, – блин, да что за фигня-то в голову лезет?! Это там, в его времени, они давно мертвы, а здесь – живее всех живых. Так что вовсе никакие они не зомби из тупых амерских фильмов и компьютерных стрелялок, а самый настоящий противник. И идут сюда с единственной целью – убить и его самого, и всех его товарищей, из которых он пока знает лично лишь двоих, старшину Левчука и рядового со смешной фамилией Анিকেев. Убить раз и навсегда; так, чтобы это уже их кости через семьдесят лет поднимали из слежавшейся глины пока еще не родившиеся поисковики... и в этот момент старший лейтенант Алексеев неожиданно понял, какая мысль занозой застряла в его памяти за секунду до начала артобстрела.

Ну да, конечно – военные археологи, раскоп, пожелтевшие кости в рыжей глине – и найденный с одним из погибших бойцов перочинный нож. *Его* собственный нож, недаром же царапина на рукоятке показалась смутно знакомой, хоть в тот момент он и не обратил на это ни малейшего внимания! Значит, сегодня, возможно, вот уже прямо сейчас, он и погибнет?! Нет, чушь, раскопки ведь проходили в районе Мысхако, до которого отсюда еще нужно суметь добраться. Так что время у него пока что имеется, как минимум до того момента, когда он доберется до Малой Земли.

Старлей невесело усмехнулся: вот такая у него, получается, фора образовалась – знать, когда и где погибнет. Жаль, не уточнил у Егорыча, когда именно тех пулеметчиков завалило взрывом немецкой бомбы или снаряда: плацдарм-то обороняли больше семи месяцев, с февраля по сентябрь. Могли и зимой погибнуть, и летом, и в начале осени. Но, как бы то ни было, нужно иметь в виду. Правда, имеется и кое-что обнадеживающее: насколько понял Степан из кратких пояснений поисковиков, кроме перочинного ножика, больше ничего *странного* среди останков не обнаружилось. Например, штык-ножа к АК-74; того самого, который он буквально только что подвесил на поясной ремень. Плюс у одного из бойцов имелся при себе смертный медальон – даже если предположить, что новороссийские копатели нашли именно его кости, «смертнику» у него уж точно взяты неоткуда. А значит, еще вовсе не факт, что в том окопе лежал именно он...

– Тарщ старший лейтенант, да что с вами такое?! – раздраженный окрик старшины Левчука оторвал Степана от размышлений. – Зову вас, зову, а вы словно оглухели вконец!

Алексеев мотнул головой, возвращаясь в реальность:

– Извини, старшина, задумался. Да и слышу еще хреново, контузило же, забыл? Что случилось?

– Да говорю, приказ по цепочке прошел, до пулеметов огня не открывать, а после – подпускать поближе и бить наверняка. И патроны беречь.

– Поближе – это метров на триста? – припомнив то небольшое, что он помнил касательно прицельной дальности ППШ, деловито осведомился морпех.

Старшина ухмыльнулся в прокуренные усы:

– Ну тут уж я не знаю, как вас, разведчиков, учили, может, вы и с трех сотен попадете. Но я бы патроны зазря не жег, метров на сто пятьдесят подпустил. Так, чтобы без промаха. Хотя какое уж там без промаха, при такой-то видимости. Одна надежда на пулеметы да снайперов наших, глядишь, и дрогнет фашист, откатится. Ну а мы следом двинем, на его плечах, так сказать, поселок и возьмем.

– Ладно, я понял, – на всякий случай свернул дискуссию Степан: не хватало только, чтоб старшина заподозрил, что он впервые в жизни держит в руках подобное оружие! Разведчик же, пусть и первый бой. А коль разведчик, значит, на стрельбище должен был кучу патронов спалить, тренируясь. Но стрелять первое время нужно будет короткими очередями, не столько ради экономии боеприпасов, сколько привыкая к незнакомому стволу. Отдача-то у него наверняка поменьше, чем у калаша – и патрон слабее, и сам массивнее, – но вот с забросом ствола еще придется разбираться. А уж дальше как-нибудь разберется, зря, что ли, в училище одним из лучших по огневой подготовке числился? Да и не только он один: учили будущих морпехов, что называется, на ять. Приноровится, ничего...

Глава 4

Первый бой

*Пос. Южная Озерейка,
утро 4 февраля 1943 года*

Первыми, как и предполагалось, заработали пулеметы, судя по звуку, сразу с десятков. Несколько секунд Степан наблюдал за трассерами, помогавшими стрелкам корректировать огонь. Зрелище, хоть и знакомое по ночным стрельбам на полигоне, оказалось завораживающе красивым, особенно, когда трассирующая пуля рикошетировала от незаметного в темноте камня или другого препятствия и, резко изменив траекторию полета, коротким росчерком уносилась в темное небо. Противник скорострельное огненное шоу, похоже, тоже оценил по достоинству, видимо, от избытка чувств предпочтя наблюдать за ним исключительно вжимаясь в землю и огрызаясь редким неприцельным огнем. В основном ружейным, хоть со стороны Озерейки и лупило в ответ несколько машингеверов и с десятков минометов, практически наугад пытавшихся подавить советские огневые точки.

Опытным пулеметчиком морпех не был, хоть и спалил во времена оны положенное количество патронов из штатного ПК, который знал, что называется, «до последнего винтика», но должен был признать, что тот, кто размещал огневые точки и нарезал стрелкам сектора, свое дело знал туго. Работающие одновременно и по фронту, и с флангов максимы и дегтяревы не оставили первой волне атакующих практически никаких шансов. Особенно после того, как звонко захлопали тридцатисемимиллиметровые пушечки последних уцелевших танков, укрытых в неглубоких капонирах. Немцы – или румыны, поди их отличи друг от друга в мутных предутренних сумерках, обильно сдобренных наползавшим со стороны моря промозглым туманом и дымом разрывов, – пришли к такому же решению и начали отступать на исходные, то бишь к крайним домам поселка.

Скорее всего, всерьез атаковать они и вовсе не собирались, проведя разведку боем для выяснения, насколько боеспособны русские десантники после артподготовки. И результат вражеских командиров вряд ли обрадовал. Смертоносные огненные плети еще какое-то время избивали открытое пространство перед линией окопов, обрабатывая по известным лишь первым номерам расчетов целям, затем стрельба потихоньку смолкла. Никто из вооруженных автоматами морских пехотинцев так и не сделал ни единого выстрела – враги просто не вышли на приемлемую для пистолетов-пулеметов дистанцию действительного огня. Те из бойцов, у кого в руках были самозарядные винтовки, огня тоже открывать не стали – какой смысл тратить боеприпасы, если пулеметы и без того справляются на отлично?

Разумеется, никто из десантников не знал, что немцы специально отправили вперед румынских солдат из состава 10-й пехотной дивизии, к утру уже и без того порядочно деморализованной ночным боем на побережье. С поставленной задачей союзники, сами того не ведая, успешно справились, ценой собственных жизней выяснив, что желаемого результата артподготовка не достигла⁷.

– Сейчас снова или гаубицами долбить станут, или минами кидаться, – со знанием дела прокомментировал старшина. – Вот только мы на месте тоже сидеть не станем, думаю, следом двинем. Как полагаете, тарщ старший лейтенант, прав я?

– Логично, – осторожно кивнул Алексеев, прикидывая, что в подобной ситуации сам бы он именно так и поступил. Поскольку второго арналета морпехи могут и не пережить:

⁷ Автор напоминает, что описанные в романе события могут частично не совпадать с реальной историей боев 4–5 февраля 1943 года в районе Южной Озерейки.

гитлеровские корректировщики наверняка уже внесли необходимые поправки. А если еще и минами сыпанут, так и вовсе грустно им станет, мина – штука поганая, в отличие от снаряда падает практически вертикально, в любую щель попадет. Единственный шанс – рвануть следом за отступающим противником, тем более у них, как неожиданно выяснилось, даже танки в наличии имеются. Те еще танки, если честно: видел Степан подобные в местном музее – как раз те, что подняли со дна в районе Озерейки, – но уж какие есть. Для психологического эффекта сойдут – в темноте любая гусеничная железяка втрое страшнее кажется, главное, чтобы лязгала погромче да мотором редела. Осенью сорок первого под Одессой это прекрасно доказала ночная атака обшитых котловой сталью тракторов, получивших в итоге свое знаменитое название НИ-1 – «на испуг». Драпали от них румыны впереди собственного визга – любодорого было поглядеть. А сейчас, спустя полтора года непрерывных боев на разных фронтах, вояки из них еще жиже, поскольку пуганые и жизнью сильно битые, особенно после недавнего Сталинграда...

Товарищи не ошиблись: не прошло и нескольких минут, как по цепочке пришел приказ атаковать, окончательно выбив противника из Озерейки. Морские пехотинцы зашевелились, проверяя оружие и собирая скудные пожитки, – Степан только сейчас заметил, что старшина с Аникеевым ухитрились прихватить из блиндажа свои вещмешки, так и не успевшие толком просохнуть и оттого темные от воды.

Не теряя времени, бойцы рассовывали по подсумкам запасные автоматные и винтовочные магазины (часть десантников была вооружена и винтовками, в основном самозарядными СВТ), запихивали за поясные ремни гранаты, проверяли, под рукой ли ножны со штыками и пехотные лопатки: насколько понимал старлей, атака вполне могла завершиться рукопашной. Удивительно, но никакой ненужной суеты не было и в помине. Люди просто готовились к бою, прекрасно при том осознавая, что он может оказаться последним в жизни...

– Ну что, лейтенант, готов? – снова перейдя на «ты», деловито осведомился Левчук.

– Всегда готов, – буркнул Степан, прикидывая, как будет выбираться из окопа. – Сигнал какой будет?

Старшина пожал плечами:

– Так откуда ж мне знать, ракету, наверное, пустят. Как танки вперед пойдут, так и мы следом двинем. Да вон они, собственно, и поперли уже.

Алексеев и сам услышал натужное рычание танковых движков – меньше десятка легких «Стюартов» выбирались из капониров, выстраиваясь неровной линией по фронту. В светлеющем небе зеленым пятном лопнула сигнальная ракета. Над линией окопов пронеслось нестройное «ура!» поднимающихся в атаку морских пехотинцев. Захваченный общим порывом, Степан оттолкнулся от дна траншеи, выбрасывая тело за бруствер. Автоматически помог оступившемуся Аникееву, перехватил поудобнее автомат. И вместе с остальными рванул вперед, с какой-то особой остротой вдруг осознав, что это и есть точка невозврата.

И что изрытые немецкими снарядами и минами окопы, где он едва не погиб в разрушенном прямым попаданием блиндаже и под артобстрелом; перепаханная вдоль и поперек узкая полоска пляжа, куда его полуживым вытащил старшина; непонятно куда подевавшийся затонувший бронетранспортер – да и вся его прошлая жизнь, со всеми ее бедами и радостями, – навсегда остались там, за спиной.

А впереди лежала не столько Южная Озерейка, которую им предстояло захватить, сколько какая-то новая жизнь. Пока еще непонятная и неизведанная, но тем не менее именно что *новая*...

В следующий миг философствовать стало попросту некогда.

Степан просто побежал вперед, нагоняя ближайший танк – чисто автоматически, на одних включившихся рефлексам, твердивших, что атаковать при поддержке бронетехники следует именно так, прикрываясь от огня обороняющегося противника кормовой броней. Дернул

за рукав бушлата замешкавшегося Аникеева, пихнул в спину кого-то из оказавшихся рядом морпехов, отметил краем сознания, что опытный вояка Левчук делает то же самое:

– За броню, живо!

Вовремя: темная окраина поселка внезапно буквально взорвалась десятками коротких, если стреляли из винтовок, и подлиннее – если из пулеметов – огненных вспышек. Снова захлопали минометы, поднимая дымные кустики разрывов, предутреннюю мглу пронизали нити трассеров, теперь уже вражеских. Над ухом противно вжикнуло – раз, другой; выбросив куцый снопок искр, ушло рикошетом вверх от танковой брони. Бухнула мина, далеко и неопасно. Гулко ухнуло где-то справа – Алексеев опять-таки на полном автомате отметил замерший на месте МЗ со свороченной набок башней, раскатавший левую гусеницу, жарко пылающий чадным бензиновым факелом. Минус один. То ли из противотанковой пушки засадили, то ли на мину наехал. Если второе – хреново: иди знай, какая у здешних мин чувствительность, пожалуй, могут и под ногой сработать. Особенно если каблуком со всей дури на бегу наступишь. На всякий случай заорал, срывая и без того осипший после ледяного купания голос:

– Всем в колею! По колее бежать! Мины!

Услышали ли бойцы, Степан так и не понял. Но рывком догнавший его старшина прокричал в ответ:

– Да нет тут никаких мин, лейтенант, иначе б сами фрицы подорвались! Из пушки его спалили, я вспышку видал! Она там она, справа, между крайними хатами!

В следующий миг старлей понял, что товарищ прав, заметив в нескольких метрах лежащего ничком румынского пехотинца в рыжей, задравшейся почти до поясницы шинели. Голова вывернута набок, каска отлетела в сторону, рука по-прежнему сжимает цевье винтовки. И еще один труп, на сей раз лежащий на спине. Значит, они уже пересекли несколько первых, самых опасных сотен метров, добравшись до рубежа, на котором атакующих остановили советские пулеметы. Получается, не ошибся Левчук, никаких мин тут и на самом деле не имеется.

– Бумм! – на правом фланге замер еще один танк – этому башню так и вовсе снесло начисто, откинув чуть ли не полдесятка метров. Однозначно, противотанковое орудие лупит, расстреливая легкобронированные мишени, словно на полигоне.

Экипаж «Стюарта», за которым держался старший лейтенант, оценил опасность, резко взяв влево и уходя из вероятно-пристрелянного сектора. Бронемашина несильно качнулась... и Алексеев едва успел перепрыгнуть, не запнувшись, через очередной вражеский труп, перед тем оказавшийся под гусеницей. Перепрыгнуть совершенно равнодушно, словно в той, прошлой жизни каждый день видел побывавшие под танковыми траками тела, – сознание просто зафиксировало сам факт, не более того. Некогда рефлексировать и ужасаться – тут бы самому уцелеть.

Мины перестали рваться, зато плотность ружейно-пулеметного огня определенно возросла: десантники уже находились в считанных десятках метров от крайних домов поселка. Три последних уцелевших танка звонко долбили из башенных пушечек, даже не делая попыток притормозить для прицеливания. Вряд ли они хоть куда-то попадали – просто вносили в происходящее свою долю хаоса. Немцы – или румыны? – тоже старались всюю, не жалея патронов. Степан видел, как падали и больше уже не поднимались морпехи; как вражеские пули все чаще и чаще высекали искры из брони, брызгая расплавленным свинцом; слышал противный шелест пролетающих мимо пуль – уже неопасных, лично ему не предназначенных.

А потом танк, с хрустом подмяв какой-то и без того покосившийся забор, вдруг вздыбился, словно бы подпрыгнув на месте, и замер, обдав бегущих следом десантников смрадным жаром мгновенно вспыхнувшего бензина. Куда именно ему попали, Алексеев не заметил, но загорелся он как-то сразу и весь. Из башни полез было танкист в охваченном огнем комбесе, но тут же, судорожно дернувшись несколько раз от ударов попадавших в тело пуль, обмяк,

наполовину свесившись из люка. А больше никто выбраться из обреченной машины и вовсе не пытался...

Подавив желание залечь – получилось, если уж начистоту, с трудом, – старлей отмахнул Левчуку влево, в свою очередь, огибая подбитый танк с правого борта. Внутри пылающей бронемашинны загрохотали взрывающиеся пулеметные патроны, и Степан мельком подумал, что вот-вот могут рвануть и выстрелы к башенной пушке. Впрочем, вряд ли их мощности, даже если разом сдетонирует сразу несколько штук, хватит, чтобы разворотить корпус или сорвать башню – не тот калибр. Но и долго торчать рядом тоже чревато – он может и ошибаться.

С ходу перескочив поваленный забор, боковым зрением заметил подозрительное движение. Дернув в сторону опасности стволом, выдавил спуск. Незнакомый автомат отозвался недлинной, патронов в пять, очередью.

Не промазал, конечно: в нескольких метрах заваливался, выронив винтовку с примкнутым штыком, вражеский пехотинец в уже виденной рыжеватой шинели. ППШ приятно порадовал: тяжелый, конечно, но зато и отдача невелика, неплохо гасится весом оружия. Самым краешком сознания сквозанула мысль, что он только что – впервые в жизни! – застрелил человека; сквозанула – и исчезла, напрочь и без остатка растворившись в бурлящем в венах адреналиновом шторме.

Рядом коротко протарахтел пистолет-пулемет кого-то из морпехов, бухнула самозарядная винтовка, снова отработал шпагин. В ответ тоже стреляли; пули противно и уже почти привычно взвизгивали у виска, одна даже дернула рукав бушлата. Было ли ему страшно? Сложный вопрос. Сначала, наверное, да, было. Но совсем недолго, буквально считанные секунды. А затем наступил момент, когда Степан просто позабыл про страх, словно в мозгу щелкнуло некое несуществующее реле. Он просто воевал, делая то, чему его учили и к чему готовили.

В стороне гулко ухнул разрыв, следом еще один – видимо, та самая самоходка, которую заметил старшина. Следом – пулеметная очередь, успел даже разглядеть огненный султанчик на конце ствола – метров с тридцать, расчет укрылся возле смутно различимого в темноте дома. Пули взметывают невысокие фонтанчики земли, нудно высвистывают над ухом, с треском влепляются, вышибая щепу, в штакетины. Позади кто-то упал, коротко вскрикнув.

Залечь. Откатиться. Попытаться подавить, прижать огнем. ППШ послушно задергался в руках, посылая в направлении противника невидимую смерть. Снова пережат, метра на два в сторону. Еще одна очередь, подлиннее. Попал – не попал? Да хрен разберешь, но, видимо, нет. Остальные бойцы тоже залегли, стреляя в ответ. Гранаты нужны! Подобраться-то несложно, сначала вон туда переползти, там однозначно мертвая зона, потом рывком к дому, дальше дело техники. Но где ж их взять, те гранаты-то?

«За поясом две штуки, – ехидно подсказало словно бы живущее своей собственной жизнью подсознание. – Правда, ты ими пользоваться не умеешь, поскольку только на картинках да в музее видел. А ведь говорили умные люди, учи матчасть».

Выпустив еще одну короткую очередь, Алексеев на миг замер, со всей остротой осознав крайнюю мысль. Ну да, все верно, Левчук дал ему пару гранат, вон они, так за поясным ремнем и торчат, никуда не делись. Вот только как их использовать, Степан и на самом деле даже не представлял. Вроде бы читал, что сначала нужно снять с предохранителя, провернув какой-то там флажок на рукоятке, но где именно тот находится, старлей даже понятия не имел. Блин, ну почему у погибшего бойца не оказалось при себе хоть одной нормальной «эфочки», практически не изменившейся с этих легендарных времен? Или РГ-42, предшественницы привычной РГД-5? Вроде уже принята на вооружение и поступает в войска? Столько бы проблем сразу решилось!

Однако пора на что-то решаться: вражеский пулеметчик вот-вот поймет – если уже не понял, – что сумел зажать наступающих, и начнет лупить на расплав ствола. Наши, понятно, рано или поздно обойдут с флангов, но сколько времени это займет? Того самого времени,

которого у них нет. Еще и самоходка где-то поблизости крутится, дадут фрицы целеуказание – всем кранты, от осколочно-фугасного на практически ровном месте не укроешься, как ни старайся. Какой там у нее калибр, миллиметров семьдесят пять? Да хоть бы и пятьдесят, им однозначно хватит...

Все, хватит тормозом прикидываться, работать нужно:

– Старшина, прикрой!

Ответа Левчука старлей не расслышал, перехватив автомат за переднюю антабку и попластунски двинул вперед размеренными саженками. Выстрелы, стук крови в висках, тяжелое дыхание, снова выстрелы. Три метра, пять, десять... еще немного. Вот и приметное дерево на самом краю приусадебного участка, в ствол которого тут же влепилась, раскидывая клочья сбитой коры, парочка вражеских пуль. Все-таки заметили, суки! Теперь еще немного вправо, вон к той яблоне. Все, он в мертвой зоне. Несколько секунд на перевести дыхание – и последний рывок. Готов? Готов. Вперед, морпех!

Преодолев последние полтора десятка метров, Степан сполз по побитой пулями саманной стене дома, нещадно пачкая бушлат голубенькой побелкой. За углом заполошно тарахтел фашистский пулемет. Вытащив гранату, ощупал рукоятку. Большой палец наткнулся на непонятный рычажок-пластинку: может, это и есть этот самый предохранитель? На всякий случай, сдвинув его в сторону, почти без замаха отправил РГ-33 за угол. Пулемет замолчал, словно бы захлебнувшись, кто-то истерично заорал понятное безо всякого перевода «граната!». Выждав секунды четыре (взрыва вполне ожидаемо не последовало), выметнулся следом, вскидывая автомат. В последний миг дернула мысль, что понятия не имеет, сколько осталось патронов: не привык еще к незнакомому оружию, не научился навскидку прикидывать расход боеприпасов. Но изменить уже ничего нельзя, поскольку пошла *движуха*. Теперь только вперед.

Дальнейшее вряд ли заняло больше четверти минуты, отпечатавшись в памяти суматошной нарезкой отдельных кадров-эпизодов.

Отпрянувший от незнакомого пулемета – массивный приклад, оребренный ствол с конусовидным пламегасителем, торчащий поверху ствольной коробки прямой магазин – пулеметчик, с ужасом глядящий на лежащую буквально под локтем гранату. Второй номер расчета, в руках – парочка таких же магазинов. Третий сидит ближе всех, спиной к старлею, сгорбившись над вскрытым цинком, – видимо, набивает патронами отстрелянные. Поправка: набивал. Короткая очередь пересекает обтянутую шинелью, перепоясанную портупеей спину, пули выбрасывают клочки сукна. Последняя – ствол все-таки задрало кверху – попадает в шею под краем задравшийся каски. Готов, готовее не бывает.

Продолжая движение, Степан смещает ствол на пару сантиметров, снова давит спуск. Пистолет-пулемет отвечает короткой дрожью отдачи, и пулеметчик утыкается лицом в приклад, вместе с оружием грузно заваливаясь на дно обложенной мешками с песком позиции. Третий успевает отреагировать и тянется к прислоненной к брустверу винтовке. Не успевает, конечно: ППШ коротко татакает, неожиданно осекаясь на втором выстреле. Патроны закончились! Усыпанное стреляными гильзами дно окопа бьет спрыгнувшего вниз морпеха по подошвам, и Алексеев отмахивает автоматом, целясь пониже среза овальной, с какой-то бляхой спереди каски. Не слышимый в грохоте боя противный хруст – и голова противника безвольно и мертво запрокидывается. Все, нет у фрицев – или кто они там? – больше пулемета...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.